

Государственный мемориальный историко-художественный и природный музей-заповедник
Василия Дмитриевича Поленова

II НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ НЕСТОЛИЧНЫХ МУЗЕЕВ

«ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ В ПОЛЕНОВО»

Семейные традиции
в исторических усадьбах

октябрь 2024 года

Государственный мемориальный
историко-художественный
и природный музей-заповедник
Василия Дмитриевича Поленова

II НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ НЕСТОЛИЧНЫХ МУЗЕЕВ
«ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ В ПОЛЕНОВО»

Семейные традиции в исторических усадьбах

Конференция посвящена 180-летию со дня рождения
Василия Дмитриевича Поленова (1844–1927)

14-15 октября 2024 года

УДК 069.15
ББК 85.101
С41

Материалы конференции, посвященной 180-летию со дня рождения русского художника Василия Дмитриевича Поленова (1844–1927), раскрывают тему русских усадеб, ее обитателей и традиций, в первую очередь, семейных.

Русская усадьба — особый мир, особые культурная и духовная атмосфера. И, одновременно, она — хранилище русской культуры, не только художественной, но и нравственной, духовной, таких качеств как вера, трудолюбие, долг. Семейные традиции — это знание истории семьи, уважение к предкам, забота о стариках, воспитание детей и мысли об их будущем. Они позволяют включить семью в историю Отечества страницей, достойной памяти и уважения.

В сборнике представлены доклады сотрудников таких музеев как: музей-заповедник В.Д. Поленова, музей-усадьба И.П. Павлова, дом-музей А.П. Чехова в Ялте, музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», ИММК «Бобрики», музей-заповедник «Абрамцево», Богородицкий дворец-музей и парк.

ISBN 978-5-6052854-0-3

9 785605 285403

© Государственный мемориальный историко-художественный и природный музей-заповедник Василия Дмитриевича Поленова, 2024
© Коллектив авторов, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Богачева Юлия Сергеевна. ФГБУК «Государственный мемориальный историко-художественный и природный музей-заповедник В.Д. Поленова» Традиции семьи Поленовых.....	7
Загрина Наталья Александровна. ГБУК РО «Музей-усадьба И.П. Павлова» Семья – это богатство	24
Логинов Александр Анатольевич ГБУК РК «Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник» Семья Чеховых и художник Средин	37
Мартыненко Инна Вадимовна Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» Альбомы рисунков Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой как иллюстрация жизни старшей дочери писателя	54
Мазурук Ольга Николаевна МБУК «ИММК «Бобрики» Последний владелец усадьбы Бобрики – граф А.А. Бобринский	74
Миронова Наталия Николаевна Государственный мемориальный историко-художественный и литературный музей-заповедник «Абрамцево» Усадебная жизнь Мамонтовых в Абрамцево: на материалах фотографий из собрания Музея-заповедника «Абрамцево»	87
Перова Ольга Владимировна Судакова Юлия Витальевна Богородицкий дворец-музей и парк – филиал ГУК ТО «Тульское музейное объединение» Педагогические опыты А.Т. Болотова, традиции усадьбы графов Бобринских – основа просветительской деятельности Богородицкого дворца-музея и парка.....	104

Введение

«Семейные ценности... Кто-то, услышав это словосочетание, начнет думать о сундуке, набитом драгоценными камнями, золотом и деньгами.

Но это словосочетание «семейные ценности» должно рождать в голове и сердце совершенно другие понятия: знание истории своей семьи, уважение к предкам, забота о стариках, воспитание детей и мысль об их будущем. Семейные ценности – это умение включить свою семью в историю Отечества страницей достойной памяти и уважения», – такое определение семейным ценностям в одном из интервью дала Наталья Николаевна Грамолина (1940–2020), многолетний директор нашего музея. «Островками достоверности» Наталья Николаевна называла усадебные музеи, которые помогают оценить прошлое, осознать свои корни, которые и определяют наше настоящее и будущее.

Введение

В русской культуре сложилось совершенно феноменальное явление – русская усадьба. Причем усадьба – не просто дом с пристройками и малым хозяйством, а усадьба, как целый мир, как некий остров, как судьба. Существующие ныне музеи-усадьбы служат памяти великих людей России: литераторов, художников, композиторов, ученых.

Современный турецкий писатель Орхан Памук в своем «Скромном манифесте», фактически, написал Оду в защиту «маленьких музеев» – музеев провинциальных, домашних, усадебных. Он говорил о необходимости приоритета музеев, которые рассказывают не о государстве, а о личности, о человеке. Каждый человек оставляет на земле свой след. Каждая семья – история государства. Нам свойственно именно в музеях искать подробности семейной истории, тем самым познавая свои истоки, корни того древа, на котором ты – лишь маленькая веточка.

Усадебные музеи традиционно бережно относятся к истории отдельных семей, поэтому и тема нашей конференции в полной мере раскрывает миссию усадебных музеев: через деяния и творчество неординарных личностей, жизни близких им людей и знаний о круге их общения раскрывать суть времен, помогая нам, сегодняшним, лучше понять, кто мы, откуда и зачем.

Директор музея-заповедника В.Д. Поленова
Наталья Федоровна Поленова

Богачева Юлия Сергеевна

Научный сотрудник, ФГБУК

«Государственный мемориальный
историко-художественный и природный
музей-заповедник В.Д. Поленова»

Традиции семьи Поленовых

Что такое семейные традиции? Вот что говорят толковые словари по этому поводу:

«Семейные традиции — это обычные принятые в семье нормы, манеры поведения, обычаи и взгляды, которые передаются из поколения в поколение».

Именно семья рождает ощущение преемственности поколений, а через это — причастность к истории своего рода, развитие неких идеалов. Семья, обеспечив стабильность, раскрывает способности, силы в члене семьи.

«Традиция организует человеческую жизнь и приводит ее в то состояние, когда она если не приобретает нового, то и не теряет приобретенного. Традиция от озарения до озарения поддерживает огонь, как поддерживали огонь доисторические люди, чтобы не остаться во тьме»¹.

Для своего рода прадед знаменитого художника В.Д. Поленова, Алексей Яковлевич, выбрал красивый и лаконичный образ: ствол погибшего дуба, от корня которого начинается жизнь молодое деревце. В символичности образа заложена большая мысль – **сохранить через традиции связь поколений.**

Герб семьи Поленовых.

© Музей-заповедник В.Д. Поленова

Большое влияние на детей, а позже и на внуков, оказала Вера Николаевна Воейкова, бабушка художника. Она питала самые нежные чувства к появившимся внукам, внимательно относилась к их интересам и запросам. Внуки росли в обстановке, которая способствовала их всестороннему художественному и интеллектуальному развитию, с малых лет им была привита глубокая любовь к русской истории, русской старине с ее памятниками древнего зодчества, народным искусством, поверьями и сказками, к русской природе.

Своими рассказами о временах минувших, о встречах с интересными людьми, народными сказками Вера Николаевна оказала благотворное влияние на Василия Дмитриевича, заметив его пристрастие к карандашам и краскам, и его

Левицкий Р.С.
Портрет Веры Николаевны
Воейковой. 1860-70-е.
Фотография
© Музей-заповедник
В.Д. Поленова

младшую сестру Елену Дмитриевну, чью увлеченность она также не пропустила. «Баба́ша» поощряла их рано открывшиеся способности к рисованию конкурсными заданиями на исторические и библейские темы, награждая премиями и медалями, как это делалось в Академии художеств.

Елена Дмитриевна Поленова — талантливая художница-акварелистка, мастер декоративного дизайна, одна из первых иллюстраторов детской книги в России и одна из основоположниц стиля модерн в русском искусстве — будучи взрослой, рассказывая о путешествиях с бабушкой в Старую Ольшанку, вспоминала в переписке с В.В. Стасовым: *«Текст «Войны грибов» в этих выражениях я знаю с детства, так говорила нам эту сказку наша бабушка, и я очень любила ее всегда. Бабушка вспоминала ее большею частью дорогой во время путешествия,*

Неизвестный фотограф.
Е.Д. Поленова. 1889.
Фотография.
© Музей-заповедник
В.Д. Поленова

которое совершалось еще в карете из Москвы в ее тамбовскую деревню. Проезжая Тамбов, есть большой сосновый лес, и, когда мы въезжали в него, бабушка обыкновенно говорила нам «Войну грибов». Мне до сих пор представляется, что именно в этом лесу есть всяческие грибные города и поселки»².

Работа художницы с иллюстрациями к сказкам началась с желания вернуться к истокам русской культуры, передать поэзию и аромат древнерусского склада. Поленова смогла воплотить эту идею — художница сделала иллюстрации более чем к двадцати русским народным сказкам и поговоркам, став одной из первых иллюстраторов детской книги в России. Иллюстрации к некоторым сказкам рождались на глазах племянников, которые с трепетом и уважением относились к ее работе – поглядывали украдкой.

Поленова Е.Д. Гриб боровик. 1885.

Бумага на картоне, акварель

© Музей-заповедник В.Д. Поленова

К сожалению, талант Елены Дмитриевны в области иллюстрации русских народных сказок при ее жизни не был признан. Но в дальнейшем ее опыт оформления детских сказок переняли и продолжили развивать такие художники как Иван Билибин, Сергей Малютин, Георгий Нарбут, Дмитрий Митрохин.

Василий Дмитриевич говорил, что любовь к искусству он получил в наследство от своей матери, Марии Алексеевны Поленовой, внучки известного русского архитектора, художника, музыканта, поэта, переводчика античной литературы, академика Николая Александровича Львова. Можно смело сказать, что его многоталантливость перешла по наследству правнуку. Поленов же щедро отдавал все то, что впитал от своих предков, своим детям. Уже в возрасте художник вспоминал: «Мне очень нравится, что у Наташи такое художественное настроение, у нее

Поленов В.Д.
Портрет М. А. Поленовой. 1885.
Холст, масло
© Музей-заповедник
В.Д. Поленова

большой талант к живописи, талант, который особенно ярко был выражен в молодости, потом он не выражался так ярко, а теперь снова выплыл особенно ярко. У Кати холодный, но очень твердо выраженный талант. Ольга пишет микроскопических жучков и букашек, которых надо смотреть в лупу. Мариша очень много зарабатывает своими вышивками. У Натальи творческий талант, а у него (про меня — Д.В. Поленова) талант воспроизведений натуры такой, какая она есть. У него есть чувство критики»³.

В русских семьях было принято читать друг другу книги вслух – стихи, прозу, порой и повествовательные произведения, обмениваться мнением о прочитанных книгах. Старшие члены семьи обращали внимание младших на те книги, которые запомнились и полюбились им в детские и юношеские годы, и часто эти любимые книги хранили в домашних библиотеках.

Домашние библиотеки собирали всей семьей, обсуждая необходимость каждого нового приобретения. В семье Поленовых вечера проходили за круглым столом с лампой: дети рисовали, Василий Дмитриевич читал вслух. И обязательное чтение книг перед сном, о чем с большим теплом вспоминали Наталья Васильевна, жена художника, и их старшая дочь Екатерина Васильевна.

Дворяне признавали благотворную роль книги в воспитании детей. В усадебных домах родители создавали детям с раннего возраста необходимые условия для возникновения привычки ежедневного чтения. Например, Василий Дмитриевич, поддерживая интерес своих детей к книгам о рыцарской эпохе, сам выполнил игрушечный макет замка в технике папье-маше. Необычное для художника произведение теперь украшает Портретную в Большом доме. А дети Поленовых выдумывали и изображали мир особых существ: домовые, русалки, водяные и т.д.

Представители поленовского рода, помимо комплектования семейной библиотеки, сами писали книги.

Мария Алексеевна в 1852-м году опубликовала «Лето в Царском Селе». В ней — семейство Поленовых (имена, конечно, изменены), рассказ о лете, проведенном на даче, яркие сцены из жизни детей, их характеристики и, вставленные в виде рассказов родителей, сведения по физике, истории, русскому народному эпосу, биографии знаменитых художников и музыкантов. Своей книгой Мария Алексеевна хотела создать некий пример для подражания, о чем делилась в переписке с Федором Васильевичем Чижовым, известным русским промышленником, общественным деятелем, ученым, а в дальнейшем — другом детей Поленовых.

Наталья Васильевна, супруга художника, — автор трех книг, которые сыграли значительную роль в истории русского искусства. В книге «Абрамцево» она впервые рассказывает о деятельности уникального сообщества талантливых людей —

Поленов В.Д. Модель замка. Начало XX века.

Дерево, картон, шлак, масляная краска.

Замок выполнен Поленовым В.Д. в виде иллюстрации к роману Вальтера Скотта «Айвенго» для дочери О.В. Поленовой.

© Музей-заповедник В.Д. Поленова

Поленов В.Д. Иллюстрации к книге «Лето в Царском селе». 1892.

© Музей-заповедник В.Д. Поленова

Неизвестный фотограф.
Н.В. Якунчикова. 1880-е. (?)
Фотография.
© Музей-заповедник
В.Д. Поленова

об Абрамцевском кружке, в котором была непосредственной свидетельницей и участницей его деятельности. В книгах «Е.Д. Поленова» (1902 г.) и «М.В. Якунчикова» (1902 г.) она повествует о двух талантливых, но, к сожалению, рано ушедших художницах. Стоит отметить, что к ее трудам до сих пор обращаются искусствоведы!

Традиция совместного проведения досуга, где всегда присутствовал изрядный образовательный момент, но ненавязчивый, не менторский, в семье Поленовых со временем не теряется, приобретая новую форму: *«В эту осень нас ждет еще*

одно неожиданное чудо. Однажды вечером нас зовут в кабинет отца, но он совсем другой. В середине стоит маленький ящик, а кругом него, как в театре повешены открывающиеся занавески. Это «диорама», которую сделал для нас отец. Спектакль начинается с того, что он вертит органчик «Селестину» с репертуаром немецких песен. Он их поет: «Die Wacht am Rhein», поет низким басом очень внушительно, на мотивы франко-прусской войны ангельским голосом поет Жюстина. <...>

Потом открывается занавес, и наша мать в роли диктора поясняет картины. Это большое путешествие, которое совершаем мы, начиная с вечерней посадки в поезд со старозаветным паровозом на Ивановской станции. Волшебство диорамы в том, что картины меняются в зависимости от света, если он падает спереди – это день, но когда он переносится за картину, получается транспарант и всевозможные ночные эффекты»⁴.

А далее был театр, который соединил и музыку, и живопись, и поэзию: «домашний театр» детей В.Д. Поленова, Народный театр страховских крестьян под руководством повзрослевших дочерей художника, кукольный театр при музее В.Д. Поленова, созданный Н.В. Поленовой (младшей).

Поленовский дом постоянно был полон гостей, традиции семьи ненавязчиво ложились и на их плечи. В усадьбе всегда царила творческая атмосфера, которую создавал так хорошо умевший объединять вокруг себя людей, в особенности молодежь, хозяин усадьбы Борок. В воспоминаниях Елены Александровны Струнниковой, человека, близкого поленовской семье, можно прочитать следующее: «Василий Дмитриевич очень любил молодежь, очень интересовался всем новым, молодым, в последние годы жизни особенно музыкальной молодежью, когда сам превратился, по его словам, в композитора. “Какой я художник, я – композитор”, – любил он говорить. Он очень сдружился тогда с еще совсем молодым виолончелистом Виктором Львовичем Кубацким и его молоденькой женой армянской певицей Сирануш Тадевосовной.

Кубацкие лето проводили в Тарусе. Это было в 1915 году, на второй год первой мировой войны. В Тарусе жило тогда много музыкальной молодежи, жил там и композитор Анатолий Николаевич Александров. И Кубацкие, и Александровы часто бывали в Бекове, и вот вместе с Василием Дмитриевичем задумали поставить в Тарусе оперу Поленова "Призраки Эллады". Весь сбор должен был быть отдан в помощь раненым воинам. Василий Дмитриевич с увлечением принялся за осуществление этого плана. Набрали артистов, составили оркестр, но возник вопрос с помещением. Никакого театра, конечно, в Тарусе не было. Но на высоком берегу Оки стоял огромный соляной амбар. Его и приспособили под театр. Была сделана настоящая сцена, зрительный зал. Василий Дмитриевич целыми днями был занят устройством помещения, бегал, волновался, писал декорации, репетировал с актерами, ну, одним словом, был всецело поглощен этим спектаклем»⁵.

Музыка, действительно, занимала огромное место не только в жизни и творчестве Поленова, но и в жизни всего семейства. Сам Василий Дмитриевич был страстным слушателем, исполнителем и композитором. В Большом доме, конечно же, звучала музыка. Подтверждение этому находим в книге «Повесть моей жизни» дочери художника Екатерины Васильевны Поленовой-Сахаровой, которая подробно рассказывала о музыкальных вечерах, проходивших в кабинете отца.

Семейные традиции помогают взаимодействовать с обществом, делают семью более сплоченной, укрепляют родственные связи, улучшают взаимопонимание. Одна из основных традиций – празднование значимых дат.

Поленовы сохранили традицию, заведенную еще Василием Дмитриевичем, – отмечать день именин Натальи, и отмечали по старому стилю – 26 августа. Празднование было очень торжественным: приезжало много гостей из Тарусы.

Сахарова Е.В. В.Д. Поленов в своем кабинете слушает музыку в исполнении пианистки В.В. Вульф. 1907. Фотография.

© Архив семьи Поленовых.

Дружеские отношения связывали Поленова с Иваном Владимировичем Цветаевым, основателем и первым директором музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина: знакомы они были со студенческой поры. И по-соседски тоже виделись: дача Цветаевых была в Тарусе, в четырех километрах от усадьбы Борок. Сохранились воспоминания его дочери, Валерии, об именинах жены художника:

«Все гости приглашены были участвовать в предполагаемой к вечеру иллюминации, просили всех клеить фонарики и клеить, кто может, картины из прозрачной цветной бумаги для больших фонарей. Всюду лежал картон, груды разноцветной папиросной бумаги, коробки всех размеров, банки с клеем, кисти. За самый удачный фонарь обещан был этюд работы В.Д. Поленова.

Анфилов Глеб

Фонарь, выполненный Е.А. Поленовой. 2021. Фотография.

© Музей-заповедник В.Д. Поленова

<...> Молодые художники из постоянных в Поленове гостей готовили целые картины-транспаранты. А у реки молодежь с В.Д. Поленовым затеяли соорудить из бумаги большой воздушный шар.

К вечеру все было готово: у костра шар нагрели, и он при общем ликовании поднялся немного в воздух. Фонари развесили по саду, по кольцевой дорожке, зажгли внутри их свечи, и засветились – целая выставка прозрачных картин»⁶.

Ну, и, конечно же, Новый год – это самый семейный праздник. Многие стараются встретить его с родными, находясь в приятном предвкушении встречи, счастья и любви, и, конечно же, подарков.

«Удивительно красивый и поэтичный обычай устраивать елку в сочельник. У нас всегда была елка и всякий раз получали

в подарок карандашей, бумаги, красок и на утро просыпался со счастливым сознанием, считая себя богачом в искусстве. Потом отец отменил елку, считая это немецким обычаем, но подарки остались»⁷, — читаем мы в воспоминаниях В.Д. Поленова.

А вот уже воспоминания старшей дочери художника, Екатерины: «Самое раннее детство всплывает в отрывочных воспоминаниях о доме Фроловой. Канун Рождества, Сочельник. Нам говорят, что к детям, если они хорошо себя ведут, в этот вечер прилетает елка. Мы за столом ведем себя плохо, не хотим есть того, что положено, я даже со своего высокого стульчика сползаю под стол. Я не надеюсь на елку и поэтому веду себя особенно плохо. Мы сидим внизу и обедаем вместе с бабушкой и моей крестной матерью Еленой Дмитриевной. Отец встает из-за стола, поднимается в свою мастерскую и оттуда раздается непонятный, но сильный шум и грохот. Мать переглядывается с бабушкой и, сдерживая улыбку, говорит: «Это, должно быть, к папе в мастерскую влетает елка». Мы с братом тоже переглядываемся: и верим и не верим. Но вот возвращается отец и таинственно сообщает; Елка влетела!». А вечером она сверкает огнями и так чудесно пахнет свежей хвоей. На елке золоченые орехи (их золотили собравшиеся художники, по случаю елки отменившие рисовальное собрание), на елке пряники, мандарины, яблоки, пастила мармелад, различные украшения и игрушки»⁸.

Сложившиеся крепкие семейные традиции выручали Поленовых в разные периоды их жизни.

События 1917-го года застали Поленовых в Борке, куда они, обычно, уезжали на лето. И только следование традициям, которые установились в семье, окружении, позволило преодолеть все невзгоды, продолжать жить насыщенной жизнью.

С 1937-го по 1944-й годы сын художника, Дмитрий Васильевич, и его жена, Анна Павловна, находились в лагерях. Единственным способом общения с оставшимся в усадьбе сыном, Федором, были письма. Это были душевные разговоры о книгах, природе, музее. Даже в таких тяжелейших условиях

Традиции семьи Поленовых

Лист диорамы. Елка в доме Поленовых. 1920-е.

Бумага, цветная бумага, папиросная бумага, акварель, гуашь.

© Музей-заповедник В.Д. Поленова

Поленовы, не без помощи всего семейства, продолжали формировать внутренний мир сына, не теряя надежд на воссоединение.

Завершить свой рассказ мне хотелось бы словами многолетнего директора нашего музея Натальи Николаевны Грамолиной, написанными ею в одной из статей: «Семейные ценности... Кто-то, услышав это словосочетание, начнет думать о сундуке, набитом драгоценными камнями, золотом и деньгами. Но это словосочетание «семейные ценности» должно рождать в голове и сердце совершенно другие понятия: знание истории своей семьи, уважение к предкам, забота о стариках, воспитание детей и мысль об их будущем».

Примечания

- ¹ Елена Поленова, «Традиции праздника. Поленовский театр 1900-1964 гг. // Памятники Отечества. Поленово. 2001, С. 141.
- ² Е.Д. Поленова – В.В. Стасову, Москва. 8 марта 1896 г. // Василий Дмитриевич Поленов, Елена Дмитриевна Поленова: Хроника семьи художников / Сост., вступ. ст. Е.В. Сахаровой. М., 1964. С. 549.
- ³ Воспоминания В.Д. Поленова, записанные его сыном Д.В. Поленовым // Архив семьи Поленовых. 1920-е гг.
- ⁴ Е.В. Сахарова. Повесть моей жизни // Поленовы. Воспоминания о художнике. / Издательство «Гелиос АРВ», Москва, 2022. С. 153-154.
- ⁵ Воспоминания Елены Александровны Струнниковой. // Частное собрание.
- ⁶ В.И. Цветаева. Натальин день. // Поленовы. Воспоминания о художнике. / Издательство «Гелиос АРВ», Москва, 2022. С. 48
- ⁷ Воспоминания В.Д. Поленова, записанные его сыном Д.В. Поленовым // Архив семьи Поленовых. 1920-е гг.
- ⁸ Е.В. Сахарова. Повесть моей жизни // Поленовы. Воспоминания о художнике. / Издательство «Гелиос АРВ», Москва, 2022. С. 137-138.

Загрина Наталья Александровна
Директор, ГБУК РО «Музей-усадьба
И.П. Павлова»

Семья – это богатство

Владимир Даль писал: «Человек бывает славен трижды: когда родится, женится и умирает».

И.П. Павлов был славен трижды.

Он женился по большой любви и прожил со своей супругой долгую счастливую семейную жизнь, 55 лет. Серафима Карчевская относилась к тем редким исключениям, которые не отравляли жизнь великим людям, а самоотверженно служили. Она, как никто другой, почувствовала, что любящий ее Иван Павлов обладает всеми задатками гения, и полностью отдала свою жизнь, незаурядные способности и интеллект служению высоким идеалам своего избранника, видя свою участь в поддержании того, что судьба предназначала ее великому мужу. Серафима Васильевна сознательно пожертвовала личными интересами во имя семьи.

Следует отметить, что Павлов был не прост, а порой и труден в повседневной жизни. Постоянно сконцентрированный на мыслях о научной работе, он мало вникал в бытовые мелочи. Его жена так сумела организовать семейную жизнь, что Иван Петрович мог целиком и полностью отдаться научной работе.

Иван Петрович
и Серафима Васильевна
Павловы. 1881.
© Музей-усадьба
И.П. Павлова

И совершенно справедливо одна из подруг жены, радуясь получению ученым в 1904 году Нобелевской премии, сказала ей: «Ты собираешь то, что посеяла»¹.

Однажды Павлов признался своим ученикам: «Представьте себе, привязался с ранних лет к физиологии, и из-за этого сделалась очень тяжелой моя семейная жизнь. Я женился, а от физиологии не отказался. Она ничего не давала. Жили бедно. И про меня могли бы сказать: «Вот параноик, черт его дерит!»

Им предрекали несчастливую жизнь. Старшая сестра Серафимы, испытывая к зятю сердечную симпатию, понимала, что к семейной жизни, он, «отрешенный от мирской суеты», плохо

приспособлен. Даже одежду и обувь ему до самой женитьбы покупал брат Дмитрий, оправдывая свою роль няньки такими словами: «По рассуждениям Ванька — мудрец, а в жизни любой таракан его за нос проведет»². Молодая жена тоже не отличалась практичностью. Проявляя склонность к литературному творчеству, мечтала написать роман «Русские женщины» и воспеть женскую эмансипацию. Но, вопреки прогнозам, брак оказался счастливым, а любовь служила лекарством от всех невзгод.

Уроки самостоятельной семейной жизни давались нелегко. Однажды Иван Петрович опоздал, чуть ли не на два часа, к обеду. Понятно, что обед остыл. Иван Петрович очень резко выразил свое неудовольствие за невкусный обед жене, а сыну — за его бесконечные разговоры. Сынишка с удивлением посмотрел на отца, всегда с ним ласкового, и спросил: «Скажи, пожалуйста, папа, чем мы с мамой виноваты, что у тебя неудачный опыт?» Эти слова были ведром холодной воды для Ивана Петровича. Он схватил мальчика на руки, стал его обнимать, целовать и приговаривать: «Да, правда, должна быть выше всего! Я был не прав, и это больше никогда не повторится. Ты помни, как стыдно твоему отцу за его несправедливый поступок. Да, и ты, Сара, забудь, пожалуйста, мой поступок». И действительно, семья никогда больше не страдала от неудачных опытов, хотя их было немало³.

Иван Петрович был ревнив, но все сомнения могла развеять умная жена. Однажды он сказал: «У тебя есть какой-то магнит, которым ты привязываешь к себе людей. Например, Стольников, как он был против моей женитьбы на тебе, а теперь первый друг. И ничего не делает без твоего совета. А Егорка Вагнер после каждой встречи говорит мне: «Ванька, ты в сорочке родился, у тебя не жена, а сокровище!». Скажу тебе откровенно, мне это даже не нравится. — «Голубчик, неужели ты до сих пор не понял? Ведь для меня венчание — это великое таинство. И то, что я обещала тебе перед престолом божьим, никогда не нарушу до самой своей смерти. Тебе я Богом отдана и буду век тебе верна!

И.П. Павлов с женой и детьми. 1906.

Нижний ряд слева направо: С.В. Павлова, сын Виктор, И.П. Павлов.
Верхний ряд слева направо: дочь Вера, сыновья Всеволод и Владимир.
© Музей-усадьба И.П. Павлова

Стольникову я рассказала, что беру все житейские мелочи на себя, чтобы ты свободно шел по научной дороге. Это навсегда сделало нас друзьями. С Егором нас соединила общая любовь к поэзии и нежное участие в его горе после смерти его жены». Несколько минут молчания. Потом Иван Петрович сказал: «Ведь эти чувства являются у меня совершенно произвольными. Забудем все это и, по-прежнему, будем верить друг другу»⁴.

Иван Петрович очень любил пешие длительные прогулки. Серафима Васильевна должна была бежать, чтобы не отставать, так как муж ходил так быстро, что обгонял извозчиков. В результате беготни у нее случился выкидыш. Напуганный этим случаем, Иван Петрович в ожидании второго ребенка был

бесконечно нежен и внимателен. При нем она никогда не смела подниматься по лестнице, он обязательно носил ее на руках.

В трудный период жизни, когда ученого одолевали сомнения, когда от неудач в работах по пищеварению он не мог заснуть, Иван Петрович признался жене: «Как я был не прав, настаивая на твоём участии в моих работах! Ты была бы только сотрудницей и неизбежно была бы покорена моим мнением. А теперь ты говоришь совершенно независимо и потому убедительно для меня. Какая ты была умница, что не соблазнилась перспективой стать ученой женщиной, а ограничилась только семейной деятельностью. Ты избавила меня от вечной физиологической атмосферы и создала крупный умственный интерес в семье, который меня освежал, давая отдых от лабораторного напряжения. Вот и ныне ты меня успокоила. Положи мне руку на голову и посиди возле меня, пока я усну»⁵.

В течение всей жизни в семье Павловых жили и подолгу гостили его родные и родные жены. Иван Петрович был хорошим семьянином, в чем сам признавался: «Я человек семейный, любящий свою семью». Один из его учеников, вспоминая о работе у Ивана Петровича, писал: «Он был счастлив в семейной жизни – у него было трое сыновей и дочь. Семья и научная работа заполняли его жизнь, делая ее интересной и содержательной. Удивительно мирная и милая это была семья. Здесь царила только любовь. За все четыре года моей жизни в ней ни разу не приходилось слышать ни одной ссоры, ни крупных разговоров, ни окрика или даже просто повышения голоса».

«Обращения Ивана Петровича всегда начинались словами: Воля, Витя, Всева, Вера, а со стороны детей: папа, мама. Причем в этом «папа» не было ни тени какого-либо страха или подавленности авторитетом отца», — пишет Александр Федорович – родственник Ивана Петровича.

Воспитание было поставлено так, что дети чувствовали себя свободно, естественно, просто, не переставая быть настоящими детьми с их резвостью, весельем, но с полным послушани-

Семья – это богатство

Дети И.П. Павлова в Силламягах: Владимир, Вера, Виктор и Всеволод. 1900.
© Музей-усадьба И.П. Павлова

ем, без всяких капризов. Любовь отца к детям проявлялась во всем, но всегда спокойно, ровно, без приступов излишней ласки и поцелуев. Такие отношения с детьми были и у матери. Воспитанию и образованию детей отец и мать уделяли большое внимание. Дети у Павловых были благонаправленные. У них рано были развиты чувство долга и справедливости. Никогда не приходилось контролировать их поведение и занятия. «Первое время после поступления в гимназию, приблизительно недели две, не больше, я садилась с ними за стол и приучала их самостоятельно готовить уроки — обращать внимание на главное, на то, что

требовало много времени, как например, решение задач и писание сочинения, — отмечала Серафима Васильевна. — Никогда у нас не было никаких репетиторов. Даже к моей помощи дети не прибегали, готовясь к экзаменам».

Однажды одна из ее приятельниц приехала в день экзамена и удивилась, что Серафима Васильевна еще до возвращения детей домой каждому положила по плитке шоколада. На замечание, почему это сделано заранее: «Ведь кто-нибудь из них может срезаться или плохо выдержать?» — последовал ответ: «Пустяки, случайность, конечно, может быть. Но все же они добросовестно работали и за это должны быть вознаграждены»⁶.

Вначале Иван Петрович радовался каждой детской награде, а потом так привык к этому, что не обращал уже никакого внимания. С раннего возраста детей родители заботились об их музыкальном образовании, чему немало способствовал и Дмитрий Петрович (брат ученого), купивший новенький и очень хороший рояль. Александр Федорович Павлов вспоминал, что на нем играли Воля и Верочка. Для руководства занятиями приглашалась учительница музыки. Не было забыто обучение танцам с приемами светских приличий. Учителем был артист балета Мариинского театра Богданов, живший в соседней квартире. Большой знаток астрономии, Иван Петрович приобщил к любимому занятию своих детей. В книжном шкафу на почетном месте стоял «Атлас звездного неба». Он устроил для себя и близких друзей гимнастическое общество. Подростающие сыновья тоже посещали его. Нравилось им играть в городки.

«Все коллекционирование производилось совместно с детьми, и эта страсть перешла к ним», — вспоминает жена ученого. «Какие у вас чудные дети! Старшего я еще давно — с 4-х лет — прозвал профессором за его вечную защиту диссертаций, а теперь познакомился ближе и с остальными. Девочка прехорошенькая, но очень застенчива, может быть, так и надо. Средний мальчик — настоящий философ. Приходит один раз и спрашивает меня: «Что лучше: быть добрым или умным?» Я ответил: «А ты

И.П. Павлов в кругу близких и родных людей.

В первом ряду слева направо: дочь И.П. Павлова Вера, Иван Петрович и Серафима Васильевна с внучками Милой и Машей на руках, В.Ф. Орешникова (мать жены Владимира).

Во втором ряду слева направо: сыновья И.П. Павлова Владимир и Всеволод со своими женами

© Музей-усадьба И.П. Павлова

как думаешь?» Его ответ был такой: «Я хочу быть и умным, и добрым». Ну разве не философ? А меньший пузырь— настоящий дипломат. За чаем говорит, хитро улыбаясь: «А мне папа всегда утром дает сухарь и сахарку». Что же, значит, и я тебе тоже должен давать?». Глядя на меня, он сказал: «А Вы как думаете?» Когда я ему подал то и другое, он взял сухарь и только маленький кусочек сахара, сказав, что папа больше не дает. «Пречудесные дети!», — так сказал однажды в разговоре с Серафимой Васильевной Владимир Иванович Добровольский, земляк Павлова и его сослуживец по ВМА⁷.

«Жена его, Вера Васильевна, всегда заботилась о наших детях. Она с ними играла, читала им, много рассказывала. Служила примером. Приезжала к ним, полная любви. Одному привозила обещанную книгу, другому – картинки, которые он так любил раскрашивать. Для дочки у нее готов рассказ о приключениях девочки, не умевшей шить и вязать», — пишет в своих мемуарах С.В. Павлова. А когда старший Воля заболел скарлатиной, эти люди взяли к себе остальных троих малышей вместе с няней.

«Я люблю моих детей», — сказал на одной из сред Иван Петрович. — Но у меня чрезвычайная мнительность, например, если мои домашние, с которыми я связан наибольшими симпатиями, долго не приходят домой (особенно это было в прежнее время, когда дети были маленькими, а теперь это на больших простирается), я сейчас же начинаю думать всякую чепуху..., вообразишь всякую ерунду, потому что дочь опаздывает на час! Я страшно начинаю беспокоиться, я не могу работать: может быть, попала под трамвай (дикая вещь!), может быть, она должна пройти через мост, хватит ее какой-нибудь мошенник и сбросит! Вот какая штука! И знаете, какой я выработал прием, какой я совершенно правильный метод борьбы выработал? Я рассуждаю: «Если ты отец, то у детей есть мать, которая их больше тебя любит, и она спокойно легла спать, значит, очевидно, ты не дело делаешь...». А все-таки этот прием не помогает, все-таки не дождусь, когда раздастся звонок, и тогда все страхи отпадут»⁸.

Чете Павловых многое пришлось пережить вместе: и трудности научной карьеры мужа, его горячую увлеченность наукой, порой в ущерб семейным интересам, и житейскую неустроенность, и хроническое безденежье. Чтобы как-то поддержать семейный бюджет, Серафима Васильевна хотела давать уроки по домам, но Иван Петрович воспротивился: «Я так долго мечтал о личной семейной жизни, что не желаю теперь возвращаться из лаборатории в пустую квартиру. Я хочу, чтобы ты всегда была со мной». Свою жизнь Серафима целиком посвятила семье, детям, оставив свою мечту молодости написать роман о русских

Иван Петрович
и Серафима Васильевна
Павловы в день его
75-летия.

© Музей-усадьба
И.П. Павлова

женщинах. Ученица Ивана Петровича, Е.О. Шумова-Симановская однажды покритиковала Серафиму за то, что она отказалась от самостоятельной роли в жизни, и стала только женой Ивана Петровича. На что Серафима Васильевна ответила: «Что пользы было бы из того, если бы я написала два-три романа? Разве ради этого стоило бы потерять хоть один опыт в лаборатории Ивана Петровича?». Жизнь супругов шла покойно, полная умственных интересов. Размолвки, если и бывали, то пустяковые⁹. Американский ученый доктор Джон Келлог, личный друг, хорошо знавший семью Павловых, писал: «... г-жа Павлова, очаровательная женщина, редкие качества ума и характера которой в немалой степени, без сомнения способствовали успеху

удивительной карьеры ее супруга. Гже Павловой пришлось решать необычные проблемы и преодолевать необыкновенные трудности»¹⁰.

Внутреннее душевное понимание у супругов сохранилось на всю жизнь. Иван Петрович посвятил жене несколько благодарных строчек в автобиографии: «Искал в товарище жизни только хорошего человека и нашел его в моей жене, Серафиме Васильевне Карчевской, терпеливо переносившей невзгоды нашего допрофессорского житья. Всегда охранявшей мое научное стремление и оказавшейся столь же преданной на всю жизнь нашей семье, как я лаборатории»¹¹. Спустя годы Иван Петрович признается своему ученику П.С. Купалову: «Семья – это богатство, и человек науки с созданием семьи обретает как бы крылья»¹².

Примечания

- ¹ И.П. Павлов — первый Нобелевский лауреат России. Т. 2. Павлов без ретуши (воспоминания С.В. Павловой, А.Ф. Павлова) / Сост. и коммент. А.Д. Ноздрачева, Е.Л. Полякова, Э.А. Космачевской, Л.И. Громовой, К.Н. Зеленина. СПб.: Изд-во «Гуманистика», 2004. С. 226.
- ² И.П. Павлов — первый Нобелевский лауреат России. Т. 2. Павлов без ретуши (воспоминания С.В. Павловой, А.Ф. Павлова) / Сост. и коммент. А.Д. Ноздрачева, Е.Л. Полякова, Э.А. Космачевской, Л.И. Громовой, К.Н. Зеленина. СПб.: Изд-во «Гуманистика», 2004. С. 229.
- ³ И.П. Павлов — первый Нобелевский лауреат России. Т. 2. Павлов без ретуши (воспоминания С.В. Павловой, А.Ф. Павлова) / Сост. и коммент. А.Д. Ноздрачева, Е.Л. Полякова, Э.А. Космачевской, Л.И. Громовой, К.Н. Зеленина. СПб.: Изд-во «Гуманистика», 2004. С. 199.
- ⁴ И.П. Павлов — первый Нобелевский лауреат России. Т. 2. Павлов без ретуши (воспоминания С.В. Павловой, А.Ф. Павлова) / Сост. и коммент. А.Д. Ноздрачева, Е.Л. Полякова, Э.А. Космачевской, Л.И. Громовой, К.Н. Зеленина. СПб.: Изд-во «Гуманистика», 2004. С. 172.
- ⁵ И.П. Павлов — первый Нобелевский лауреат России. Т. 2. Павлов без ретуши (воспоминания С.В. Павловой, А.Ф. Павлова) / Сост. и коммент. А.Д. Ноздрачева, Е.Л. Полякова, Э.А. Космачевской, Л.И. Громовой, К.Н. Зеленина. СПб.: Изд-во «Гуманистика», 2004. С. 204.
- ⁶ И.П. Павлов — первый Нобелевский лауреат России. Т.2. Павлов без ретуши (воспоминания С.В. Павловой, А.Ф. Павлова) / Сост. и коммент. А.Д. Ноздрачева, Е.Л. Полякова, Э.А. Космачевской, Л.И. Громовой, К.Н. Зеленина. СПб.: Изд-во «Гуманистика», 2004. С.221
- ⁷ И.П. Павлов — первый Нобелевский лауреат России. Т.2. Павлов без ретуши (воспоминания С.В. Павловой, А.Ф. Павлова) / Сост. и коммент. А.Д. Ноздрачева, Е.Л. Полякова, Э.А. Космачевской, Л.И. Громовой, К.Н. Зеленина. СПб.: Изд-во «Гуманистика», 2004. С. 223.
- ⁸ Павловские клинические среды: Стенограммы заседаний в нервной и психиатрических клиниках/ ред. К.М. Быков. Том 2. — Москва: Ленинград: АН СССР, 1955. С. 188.
- ⁹ И.П. Павлов — первый Нобелевский лауреат России. Т. 2. Павлов без ретуши (воспоминания С.В. Павловой, А.Ф. Павлова) / Сост. и коммент. А.Д. Ноздрачева, Е.Л. Полякова, Э.А. Космачевской, Л.И. Громовой, К.Н. Зеленина. СПб.: Изд-во «Гуманистика», 2004. С. 226.

- ¹⁰ Павлов И.П. в воспоминаниях современников: сборник научных трудов / гл. ред. Е.М. Крепса. — Ленинград: Наука, Ленингр. отд-ние, 1967. С. 278.
- ¹¹ Павлов, Иван Петрович. Избранные произведения: сборник научных трудов / И.П. Павлов; под общ. ред. Х. С. Коштоянц. — Москва: Политиздат [Издательство политической литературы], 1949. С. 3.
- ¹² И.П. Павлов: Достоверность и полнота биографии / сост. Ю.А. Голиков и Т.И. Грекова. — СПб.: ООО «Издательство «Росток», 2005. С. 226.

Логинов Александр Анатольевич
Заведующий отделом «Дом-музей
А. П. Чехова в Ялте»
ГБУК РК «Крымский литературно-
художественный мемориальный музей-
заповедник»

Семья Чеховых и художник Средин

Среди настоящих друзей Чехова был известный в начале XX века художник-интерьерист Александр Валентинович Средин. Художник трепетно относился к памяти о своем друге. Встречи и беседы с известным писателем, прогулки и совместные интересы произвели огромное впечатление, создали тот образ и тот идеал человека, к которому необходимо стремиться. Они давали Средину необходимый заряд энергии для преодоления жизненных невзгод, развития своего таланта, воспитании нравственности, порядочности и благородства. Огромное чувство любви и благодарности к Антону Павловичу и его семье Александр Средин пронесет через всю свою жизнь.

Впервые с Чеховым Александр Средин познакомился в 1894 году в Ялте. В то время он — студент третьего курса Московского Императорского университета на факультете естественных наук. Одновременно с этим Александр увлекается рисованием. Его работы отмечают известные художники Серов и Коровин, в мастерских у которых он занимался. Постепенно студент-геолог весь отдался творческой работе и успешно совершенствовал навыки художника. В марте 1894 года Александр приезжает в Ялту к своему старшему брату Леониду Средину, который с 1893 года жил в этом городе-курорте со своей семьей из-за болезни.

Дом Леонида Средина был настоящим культурным клубом курортного города, местом притяжения людей культуры и искусства. Литераторы, поэты, художники, музыканты, актеры приходили к нему в гости, вели неспешные беседы, декламировали стихи, музицировали, читали произведения, обсуждали новые веяния в искусстве. В своей книге «Давние дни» известный художник М.В. Нестеров так пишет об этом человеке: «В семье доктора я привык отдыхать от житейской сутолоки, грязи и вонь, атмосфера жизни этого скромного, но в высокой мере содержательного человека совершенно исключительная. Несмотря на тяжкую форму чахотки, там нет никогда уныния, нет апатии к жизни, удивительная гармония, покой и простая, естественная ласковость всей семьи, очень любящей и приятной. Вот тебе образ этого редкого человека. Многие, приезжая в Ялту, находят здесь, у этого больного, объяснения, и очень ясные, вопросам для себя запутанным» [М.В. Нестеров, «Давние дни», с. 333].

В 1894 года Чехову пришлось приехать в Ялту по необходимости: привел его сюда жестокий бронхит, предвестник серьезного легочного заболевания. Он поселился в гостинице «Россия». Благодаря владельцу книжной лавки «Русская избушка» И.А. Синани, Чехов познакомился с Леонидом Срединым. Вскоре они стали близкими друзьями. Чехов любил бывать в его доме, радовался его визитам, обсуждал литературные новинки и театральные премьеры, его мнением дорожил. В один из мар-

товских дней писателю и был представлен студент и начинающий художник.

В то время Александр Средин был очень молод и до крайности застенчив. Чехов же уже был знаменитым писателем, и неожиданное знакомство с великим человеком буквально ошеломило молодого человека. Можно представить, что Александр долго стоял растерянный, смущенный, не зная, что сказать. Антон Павлович, уловив смущение юноши, сам заговорил, и буквально через несколько минут от смущения и растерянности простыл и след.

Нашлись и общие темы для беседы: жизнь Московского университета, профессора и студенты, которых знали собеседники, культурные события Москвы, общие знакомые среди московских жителей. А когда Чехов узнал, что Средин начинающий художник, то взаимные симпатии друг другу возросли. В.А. Симов в своей статье «Из воспоминаний о Чехове» писал, что «Мягкий в общении, трогательно деликатный, неистощимый на шутки, чуткий к красоте – Чехов давно и крепко завоевал наши симпатии. Он приветствовал всех одинаково ласково, охотно принимал участие в обмене мнений, высказывая меткие и очень основательные замечания не живописца-профессионала, а просто художника по натуре. Но вскоре он сосредотачивал на себе общее внимание собственными рассказами, по большей части импровизациями, полными заразительного юмора, насыщенными огромной наблюдательностью и выраженными в форме необыкновенно образной. [С.Н. Голубова, «А.П. Чехов в воспоминаниях современников», с. 101].

Этюды Александра Средина, его стремление к познанию новых приемов в живописи, расширению своих возможностей, огромному трудолюбию и требовательности к себе особенно ценил самый близкий друг писателя Исаак Левитан. В своем письме к А.П. Чехову от 27 ноября 1898 года он пишет: «Бываешь ли у Средина? Я знаком с художником Срединым, брат твоего знакомого – талантливый человек». [А. Федоров-Давы-

Средин А.В. Портрет О.Л. Книппер. 1903.

Холст, масло. © ГБУК РК «Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник»

дов, «Исаак Ильич Левитан. Письма. Документы. Воспоминания», с. 91].

Вскоре, как у Чехова, литература перетянула его от медицины, так и у Средина — художник победил геолога. Оставив должность приват-доцента кафедры геологии в университете, Александр Валентинович всего себя отдает творчеству. Он принимает решение стать профессиональным художником и по совету Коровина уезжает во Францию. В течение нескольких лет он усердно постигает науку рисования в Академии Рудольфо

Жюлиана и художественной школе Коларосси. Помимо работы в мастерских и аудиториях художник совершает путешествие с мольбертом по Нормандии, Алжиру и Тунису, создает наброски, этюды и картины. Все свои впечатления он живо излагает в письмах к Ольге Леонардовне Книппер, с которой был дружен с детства.

«А в общем все-таки доволен, что судьба забросила меня к подножию Атласа в Берберии. Очень занятно. Иногда доставляю себе удовольствие вроде чтения сказок. Один или в сопровождении товарищей-художников иду в Мавританский квартал. Там в тиши жизнь идет своим чередом, пестрая, жирная. Бродят длинные фигуры в лохматых бурнусах, зазывают одалиски, бегают дети черноголовые, красивые. А по обоим сторонам громоздятся дома, словно сложены из кусков белой глины, без всякого порядка, кое-где подпертые пружинами с дырочками вместо окон. И в эти окошечки иногда выглядывает очаровательная головка мавританки. Иногда захожу в мечети и ложусь на ковер, долго наблюдаю молящихся среди знамен шелковых, выцветших от времени над мощами святого. Такой мир сходит в душу и так чувствуешь, что за этим чуждой нам сферой, скрыто то же человеческое чувство». [Музей МХАТ, КП 11507/5]

Для Чехова встречи с Ольгой Книппер были еще свежи. В июле 1899 года они встретились в Новороссийске и пароходом прибыли в Ялту. Ольга Леонардовна жила в доме Срединых на Дарсановском холме. Антон Павлович остановился в гостинице «Мариино» и ежедневно навещал любимую актрису. Немаловажную роль в их сближении сыграла Надежда Ивановна Средина, мать Александра Средина. Благодаря ей были созданы все условия, чтобы зародившиеся отношения между писателем и актрисой укрепились и стали серьезными.

В этот же период Антон Павлович Чехов проводит зиму на Лазурном побережье Франции в Ницце. В своих письмах он высказывает желание отправиться в Северную Африку или Египет, и ему Ольга Леонардовна Книппер присылает адрес Алек-

сандра Средина в Алжире, который Антон Павлович аккуратно заносит в свою записную книжку «Alger Hotel Oriental, Mestopho, Superior A.B. Средин». Но, к сожалению, это поездка не состоялась, и сегодня можно только мечтать, какие творческие плоды принесли бы это путешествие и встреча двух художников.

Энергетика Парижа сказалась на судьбе Александра Средина не только на профессиональном развитии, но и в личной жизни. Посещая различные литературные и музыкальные салоны обширной русской колонии, на одном из вечеров он встретился со своей будущей супругой. Мария Григорьевна была на три года младше Александра, родилась в польском местечке близ города Лодзи и приехала в Париж попытать счастья на актерском поприще. Отношения молодых людей развивались стремительно. Ночные прогулки по бульварам, свидания в уютных кафе, совместные вояжи по дворцам и выставкам, все это способствовало развитию чувства, которое вскоре переросло в любовь. Александр делает предложение и получает согласие на брак. Но здесь возникло непредвиденное препятствие, за помощью в устранении которого он обращается к Антону Павловичу.

«...Позвольте обратиться с просьбой к Вам, если она затруднит Вас, заранее прошу извинения. Все объясняется лишь тем, что исключительное отношение Вашего для меня. Мне очень важно знать условия брака православных с евреями, и я просил Павла Петровича (Розанова) поговорить по этому поводу со священником в Ницце. Так как не уверен, что это письмо мое получено, постараюсь выяснить у Вас некоторые пункты, на которые желательно получить разъяснения: какие бумаги необходимы вообще для брака за границей и какие именно для брака с евреем; необходимо ли еврею принять православие для вступления в брак с православным или можно ему предварительно перейти в протестантство или католичество, и что лучше; какие формальности необходимы для еврея после принятия христианской веры для вступления в брак и сколько может занять времени; наконец сколько приблизительно может стоить все это.

Простите меня, что затрудняю Вас, Антон Павлович, но надеюсь, Вы не откажете помочь мне в вопросе очень важном для меня». [РГБ, ф. 331, к. 104, ед. хр. 12].

В это время Антон Павлович проживал в Ницце и охотно откликнулся на просьбу. Собрав все необходимые сведения, в своем ответном письме он подробно ответил на все вопросы. 16 апреля 1901 года Средин пишет Чехову: «Я только что познакомился с Вальтером, приехав на днях в Ниццу и спешу написать Вам. Позвольте Вас искренне поблагодарить за данные мне справки и за то, что указали мне на г. Вальтера. И он и жена его отнеслись очень хорошо ко мне и уже теперь много сделали для дела, которое меня близко касается» [РГБ, ф. 331, к. 104, ед. хр. 12].

Так, благодаря помощи Антона Павловича, препятствие было устранено, и состоялась регистрация брака Александра Валентиновича Средина с Марией Григорьевной. В мае молодожены пароходом из Марселя вернулись в Россию и на первое время обосновались в Ялте, рядом с братом Леонидом и матерью Надеждой Ивановной Срединой.

Родные Александра без восторга приняли невестку, хотя и оказали всю необходимую поддержку. «...Третьего дня приходила Надежда Ивановна, плакала у меня, она недовольна своей новой невесткой. Леонид Валентинович тоже недоволен. Они не могут простить ей еврейства. Я еще у них не была...», — пишет Мария Павловна Чехова в своем письме к Ольге Книппер 30 мая 1901 года [И.Н. Соловьева, Переписка О.Л. Книппер и М.П. Чеховой, том 1, с. 64] «...Сегодня были Средины...Средин тоже здоров, или по крайней мере имеет здоровый вид; все время бранил свою невестку...», — сообщает Антон Павлович Чехов Ольге Леонардовне Книппер 29 октября того же года. [ПССиП, Т.10, с.99]

Одним из важных стимулов к ялтинской жизни были встречи с Антоном Павловичем Чеховым, который проживал у себя на Белой даче. Практически ежедневно Александр Средин бывал

Средин А.В. «Корабли». Этюд. 1901.

Фанера, масло. © ГБУК РК «Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник»

в ауткинском доме писателя. В письмах Чехова того времени к своей супруге Ольге Леонардовне Книппер можно найти много упоминаний об этих визитах. 23 августа 1901 года Чехов пишет: «...Вчера был Саша Средин с женой...» [Там же с. 62], в письме от 16 декабря встречаем: «...Это письмо опустит Саша Средин, который сидел у меня и теперь уходит». [Там же с. 140] 21 января 1902 года Антон Павлович извещал: «Пришел Средин...» [Там же с. 176], а в письме от 23 января – «Сегодня у меня были: Сулержицкий, Балабан, А. Средин, Андрей Толстой» [Там же с. 177]. 4 февраля он вновь сообщает: «У меня гости. Средин, Сулержицкий и проч.» [Там же с. 187].

В письме от 24 сентября к Леониду Средину Антон Павлович сообщает: «...Передайте Александру Валентиновичу, что я очень

Средин А.В. «Ворота в парк». Этюд. 1901.
Картон, масло.

© ГБУК РК «Крымский литературно-художественный
мемориальный музей-заповедник»

извиняюсь перед ним; мне все последние дни было дозарезу некогда, нездоровилось, и так я не попал к нему, хотя нужно было. Скажите ему, что скоро приеду и постараюсь искупить свою вину...». [Там же с.83] Интересно, о каком деле идет речь? Может быть, Антон Павлович согласился позировать Александру Средину для портрета?

Во время пребывания Чехова в Москве Александр Средин через Ольгу Леонардовну передает просьбу привезти ему листы бумаги для рисования: «...Передай ему большой поклон и скажи, что может быть он не откажет исполнить для меня небольшую просьбу. Незадолго до отъезда он предлагал мне привезти что-либо из Москвы из живописных принадлежностей. Если его не затруднит попрошу сделать следующее: зайти к Аванцо и купить листов 20 бумаги. Может это не очень затруднит А.П.» [Музей МХАТ, КП 11507/7]

Эту просьбу Антон Павлович охотно исполняет и уже 24 октября 1901 года Александр Средин в письме к Антону Павловичу благодарит за оказанную услугу: «Позвольте же Вас поблагодарить от всей души. Ваша посылка очень обрадовала меня. Кроме удовольствия от исполненной просьбы, и холст и бумага – именно то, что мне нужно. Мне бы очень хотелось узнать от Вас побольше о разностях московских. Мы ожидаем увидеть вас. Жму вам крепко руку» [РГБ, ф.331, к.104, ед.хр. 12].

Бывая в гостях на Белой даче, Александр Средин пишет два небольших этюда «Корабли» и «Ворота в парк», которые преподносит Антону Павловичу. На первом изображены два парусника, выходящие в море. Вдали видны крымские горы с яркой полоской голубого неба над ними, закрытого тучами. Сквозь них пробиваются яркие лучи солнца, которые отражаются в море и создают впечатление радости, новых открытий и ожиданий. Вторая работа создает настроение покоя осеннего парка. На переднем плане размещены ворота со сторожевой будкой, вдаль уходит аллея с деревьями, одетыми в ярко-желтую листву. Вдали виднеется голубое небо с белыми облаками. Глядя на этот

этюда, так и хочется неспешно пройти по аллее, загребая ногами листья, вдохнуть свежий воздух, пропитанный запахами прелой растительности, услышать голоса птиц и направиться по аллее. На обороте этюда художник оставил дарственную надпись: «Искренне уважаемому Антону Павловичу Чехову от А. Средина». Эти работы Антон Павлович повесил на стене своего кабинета. Они были размещены на видном месте, тем самым показывая отношение хозяина дома к дарителю.

Одновременно с визитами и встречами Александр Средин передает супруге писателя Ольге Книппер и свои впечатления от состояния здоровья Антона Павловича. В письме от 9 января 1902 года он сообщает: «...Не скрою от тебя, что Антон Павлович сильно хандрит, особенно когда прихварывает. Лишь только ему становится немного лучше, он начинает рваться в Москву, и чутся, что душа у него все время неспокойна и тоскует он и томится отчаянно...». Или еще: «А по правде говоря иногда на него грустно смотреть, особенно чувствовалось это до приезда Марии Павловны, когда он сидел один больной, слабый и не мог даже встать с постели несколько дней. Вчера мы видели его, были у него на даче. Он был бодрее духом...». [Музей МХАТ, КП 11507/8]

В апреле 1902 года Александр Средин с семьей переезжает в Москву. Но, не прожив в столичном городе и месяца, перебирается в деревню Дубровицы, расположенную недалеко от Москвы близ Подольска. В письме к Чехову от 29 мая 1902 года он пишет: «Мне очень жаль, что пришлось уехать в деревню не увидев Вас, но каждый лишний день в Москве был в тягости. У меня сильно разболелись глаза и вообще за этот месяц очень устал в Москве, да и скорее надо было отправить супругу на свежий воздух» [РГБ, ф.331, к.104, ед.хр. 12]

Средины сняли дачный дом в месте слияния рек Пахры и Десны в удивительно красивой местности. Рядом находилась большая дворянская усадьба, принадлежавшая старинному роду Голицыных. Александр Валентинович всеми этими кра-

сотаи завлекал Антона Павловича в гости: «А вот хорошо бы Вы сделали, если бы приехали сюда с О.Л. Правда устройте это! У нас есть отдельная комната для гостей, а на днях будет изобилие кроватей... Вы бы могли здесь хорошо отдохнуть несколько дней». [Там же] Но, к сожалению, Чехов этим предложением не воспользовался, а вместо отдыха предпочел уехать с Саввой Тимофеевичем Морозовым на Урал в Пермь и Усолье осматривать его заводы, знакомиться с жизнью и условиями труда рабочих.

В октябре 1902 года Александр Средин несколько раз встречается с Антоном Павловичем Чеховым, когда тот приезжает в Москву. Скорее всего, Средин показывал свои работы Чехову, и тот, как ценитель, высказывал свое мнение, которое для художника было очень важно. В это время Александр Валентинович оказал небольшую услугу Антону Павловичу – уточнил и передал ему адрес Валентина Александровича Серова. «Только теперь узнал достоверный адрес Серова, за который уже ручаюсь головой, или лучше добрым именем. Адрес этот: угол Антипьевского и Большого Знаменского, переулка, дом братьев Улановых, это близ Пречистенского бульвара. Валентина Александровича легче застать около шести, как я говорил. Этот предлагаемый при сем адрес, мною лично нарочно проверен сегодня на месте» [РГБ, ф. 331, к. 104, ед.хр. 12]. Именно в это время Серов делал акварельный портрет Чехова, и, скорее всего, писатель хотел встретиться с художником, чтобы договориться о сеансах.

В письмах между Чеховым и Книппер постоянно упоминается Александр Средин. Ему передают привет, сообщают о визитах, интересуются его делами. «Когда увидишь Сашечку Средину, то поблагодари его за телеграмму, которую он прислал мне...» [ПС-СиП, Т. 11, с. 169] просит в письме от 3 января Антон Павлович, а Ольга Леонардовна сообщала, что «...сейчас заходила М.Г. Средину звать к себе 5 января. Бальмонт будет читать новые стихи. Посмотрю на него». 18 января она сообщала: «Вчера после репетиции хотела поспать, да пришли Званцева, Фейгина, Саша

Средин, так что я перед самым спектаклем только полежала», [Там же, с. 186] а в ответ Антон Павлович интересовался: «Чем занимается в Москве преподобный Саша Средин? Как его здоровье, как жена?» [Там же, с. 129].

Несмотря на успехи в живописи, в личной жизни у Александра Средина наступил сложный период. Взаимоотношения с супругой были омрачены какими-то разногласиями. Вполне возможно, что причиной стали ее взаимоотношения с родными мужа, которые не очень жаловали невестку. В результате Александр уезжает в Ялту один к матери и брату. Антон Павлович пишет Ольге Леонардовне: «А Саша Средин радуется, что расстался с супругой. И мадам Голоушева рада, что рассталась с мужем. Вот поди ж ты». [Там же, с. 254]

В Ялте Александр восстанавливает душевное равновесие и во многом ему помогают в этом встречи с Антоном Павловичем Чеховым. Еще одним лекарем стала работа. Художник, по всей видимости, совершает вояжи в горы и на берег моря, пишет пейзажи, улочки старой Ялты, портреты родных. На одной из своих картин он изобразил и кабинет Чехова на Белой даче. Это была, скорее всего, одна из первых по-настоящему интерьерных работ художника.

Вернувшись в Москву, он продолжает работать в мастерских, участвует в выставках, выполняет заказы, которые стали поступать довольно часто и занимали все время Александра Валентиновича Средина. Ему приходилось часто выезжать из Москвы в близкие и дальние губернии и уезды для создания картин. Дворянские имения, барские и купеческие дома становились его объектами творчества, все более оттесняя пейзажи, портреты и жанровую тематику.

И как гром среди ясного неба, в период активной работы, его настигло печальное известие о смерти его близкого друга — Антона Павловича Чехова. В это время художник находился в имении Юдино недалеко от Бреста. Эта потеря тяжело им была воспринята, и уже в час ночи 16 июля 1904 года Александр

Средин пишет сестре писателя: «Дорогая, милая Мария Павловна! Прочтите эти строки. Я только что узнал ужасное известие, и вот пишу ночью: не могу спать. Что сказать? А говорить хочется. Позвольте только плакать вместе с вами; грустно, да сердце щемит. Милый, хороший Антон Павлович, его уже нет среди нас. Последний раз, что я его видел в Москве, я был поражен его видом: как плохо он выглядел. И был мрачный, больной, слабый. Никогда таким его не видел. Да и видел недолго, каких-нибудь полчаса. А после я узнал — он слег и сильно болен. А тут последнее время — слухи об улучшении. Недели три назад я видел во сне Антона Павловича: он был ужасно бледен и совсем больной, сидел в кресле... Он сказал мне во сне: ведь у Вас ко мне нет расположения, ведь вы только к Ольге Леонардовне расположены. А я во сне стал реветь ужасно и уверять его, что я его, его очень люблю, только не показываю, так как стесняюсь и боюсь наскучить. И правда теплое, близкое чувство у меня было к нему. Тяжело и грустно ужасно!» [РГБ, ф. 331, к.104, ед.хр. 12].

Глубоко переживая уход из жизни любимого товарища, Александр Средин находил утешение в творчестве. Высокая трудоспособность, любовь к творчеству, стремление достичь совершенства в своих работах были главными чертами характера художника. Он принимает участие во всех значимых выставках Москвы, Санкт-Петербурга, Казани и других городов России. Его работы приобретаются Третьяковской галереей, Русским музеем, частными коллекционерами.

В этот период он близко сходитя с актерами, режиссерами и драматургами Московского художественного театра, часто посещает мероприятия с их участием. Эти творческие собрания посещала и Мария Павловна Чехова, когда бывала в Москве. Имя Александра Средина часто встречается в ее переписке с Ольгой Леонардовной Книппер. 3 сентября 1907 года Ольга Леонардовна сообщает М.П. Чеховой: «...Видела Срединых. Смотрела вместе с ними и с Элей «Сестру Беатрису». Мне в общем понравилось, но захвата не было. На днях были у меня Качало-

вы, Москвин, Леонидов, Балтрушайтисы и Средин...», [И.Н. Соловьева, Переписка О.Л. Книппер и М.П. Чеховой, том 1, с. 256] а в начале апреля следующего года пишет: «Милая Маша, только что отошел поезд, как приехал Саша Средин, чтобы проводить вас. Вышло смешно. Я обещала Саше написать тебе, что он приезжал на вокзал». [Там же, с. 274] Через две недели уже Мария Павловна сообщает Ольге Леонардовне: «...Получила от Саши Средина письмо, он, кажется собирается ко мне погостить — а у меня все комнаты заняты...». [Там же, с. 278]

С жильем все сложилось благополучно и, приехав в конце апреля 1908 года, Александр Средин разместился, по всей вероятности, в комнате для гостей на первом этаже Белой Дачи. Причиной столь внезапной поездки в Крым стала серьезная размолвка с супругой. 19 июня Мария Павловна пишет Ольге Леонардовне в Гамбург: «...Сейчас у нас упорно гостит Сашечка Средин, он поссорился со своей супругой и бежал от нее. Очень страдает, что не может видеть детей. Старается написать кабинет моего брата и твоего мужа...». [Там же, с. 294]

Несмотря на рождение третьей дочери, жизнь Александра Валентиновича с супругой Марией Григорьевной не сложилась. Размолвка перешла в тяжелый разрыв отношений и психологический перелом художника. Бросив все, он уехал туда, где знал, что ему помогут залечить душевные раны — в дом к Антону Павловичу Чехову.

В письме к Марии Павловне, уже вернувшись в Москву, Александр Средин пишет: «Я всегда буду помнить, всю жизнь, что Вы для меня сделали в Ялте... И я никогда не забуду, как Вы, хорошая моя, с чисто женской мягкостью, постепенно залечивали мою рану... Только большое знание чеховского сердца и большая чуткость могли так благотворно влиять в то время на меня. Знаете ли, что в последние дни у Вас — я был счастлив, и получив это самое ужасное чувство я уже легко стал переносить враждебные слова и прочее». [РГБ. Ф. 331, к. 96, ед.хр. 73]

Живя в чеховском доме, гуляя по саду и прикасаясь к деревьям, высаженным Антоном Павловичем, вдыхая ароматы летнего дня, слушая тишину, Александр Средин постепенно отпускал горечь и обиду. Излечиваться помогали ежедневные беседы с сестрой писателя Марией Павловной Чеховой, а также тот образ Чехова, сохраненный в своем сердце – образ человека, который всегда давал так много, кто приходил к нему и никого не оставлял с пустыми руками. «И хотя былого никогда уже не будет, хотя в душе только отчужденность, но странная вещь – уже нет горечи, есть лишь ясность сознания и никогда даже страстное чувство – возможности, доброты, чуткости и жизни. Не скрою, что все это дано дорогой, непомерно дорогой ценою, но все-таки теперь мне почти хорошо, хотя может быть многие и стали бы себя считать не счастливыми на моем месте. И вот еще раз горячее Вам спасибо за то, что в то тяжелое время приняли меня и не дали впасть в отчаяние!» [Там же]

Пройдя тяжелые годы первой мировой войны, революции, гражданской войны, разрухи, голода и холода, художник всегда бережно хранил в своем сердце и памяти образ Антона Павловича Чехова, Ольги Леонардовны Книппер и Марии Павловны Чеховой. Часто бывал у них в гостях, создавал картины чеховского дома в Ялте, Мелихове и Москве, и соответствовал тому постулату, который когда-то был им услышан – красота спасет мир. И сегодня работы, идеи и творческая мысль Александра Валентиновича Средина осталась жить, так же, как и произведения его близкого друга Антона Павловича Чехова.

Список материалов и использованной литературы

1. Музей МХАТ, КП 11507/5, Письмо А.В. Средин к О.Л. Книппер // рукопись, 1900 год, Алжир.
2. Музей МХАТ, КП 11507/7, Письмо А.В. Средин к О.Л. Книппер // рукопись, 1900, Ялта.
3. Музей МХАТ, КП 11507/8, Письмо А.В. Средин к О.Л. Книппер // рукопись, 1902, Ялта.
4. Нестеров М.В. Давние дни, М.: Русская книга, 2005. С. 559.
5. РГБ, ф. 331, к. 104, ед. хр. 12, Письмо А.В. Средин к А.П. Чехову // рукопись, 1900 год, Франция.
6. РГБ, ф. 331, к. 104, ед. хр. 12, Письмо А.В. Средин к А.П. Чехову // рукопись, 1901 год, Ялта.
7. РГБ, ф. 331, к. 104, ед. хр. 12, Письмо А.В. Средин к А.П. Чехову // рукопись, 1902, Дубровицы.
8. РГБ, ф. 331, к. 104, ед. хр. 12, Письмо А.В. Средин к А.П. Чехову // рукопись, 1902, Москва.
9. РГБ, ф. 331, к. 104, ед. хр. 12, Письмо А.В. Средин к М.П. Чеховой // рукопись, 1904, Юдино.
10. РГБ, ф. 331, к. 96, ед. хр. 73, Письмо А.В. Средин к М.П. Чеховой // рукопись, 1908, Москва.
11. Симов В.А. Из воспоминаний о Чехове // А.П. Чехов в воспоминаниях современников, под ред. С.Н. Голубовой, М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. С. 836.
12. Соловьева И.Н. Переписка О.Л. Книппер – М.П. Чехова 1899-1927, т. 1, М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 733.
13. Федоров-Давыдов А. Исаак Ильич Левитан. Письма Документы. Воспоминания, М.: Искусство, 1958. С. 336.
14. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах // под ред. Н.Ф. Бельчикова, М.: Наука, 1981.

Альбомы рисунков Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой
как иллюстрация жизни старшей дочери писателя

Мартыненко Инна Вадимовна

Заместитель заведующего отдела

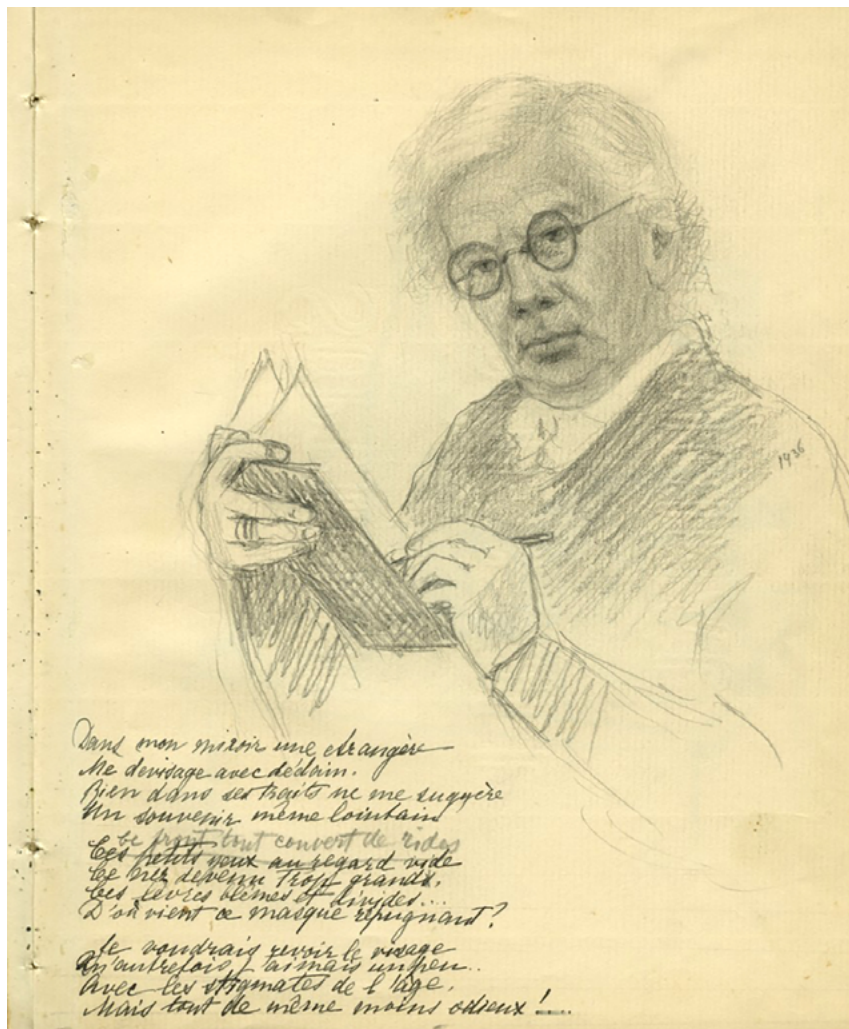
немеморальных фондов музея,

Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна»

Альбомы рисунков Татьяны
Львовны Сухотиной-Толстой
как иллюстрация жизни старшей
дочери писателя
(на материалах коллекции графики
немеморального фонда музея-усадьбы
«Ясная Поляна»)

В 2024 году исполняется 160 лет со дня рождения старшей дочери Толстых Татьяны Львовны. Она прожила долгую, насыщенную событиями жизнь. Многие годы Татьяна Львовна занималась живописью и рисунком, отразив в работах каждый этап своей биографии. Художественное наследие Татьяны Львовны составляет около трехсот работ, среди них девять альбомов с рисунками, которые заполнялись с 1876 по 1949 год. Эти альбомы хранились в Италии в семье ее дочери Татьяны Михайловны Альбертини, после смерти которой, родственники передали их в фонды Ясной Поляны.

Альбомы рисунков Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой
как иллюстрация жизни старшей дочери писателя

Dans mon miroir me change
Me dévisage avec dédain.
Pren d'ans ses traits ne me suggère
Un souvenir même lointain.
Le front tout couvert de rides
Ces petits yeux au regard vide
Les traits devenus trop grands.
Ces lèvres seules et frêles...
D'où vient ce masque effrayant?

Je voudrais voir le visage
D'autrefois, j'ai maïs un peu...
Avec les stigmates de l'âge.
Mais tout de même moins vieux !

Автопортрет. Рисунок из альбома Сухотиной-Толстой Т.Л. 1936-1940-е.
Графитный карандаш. Под портретом, справа внизу, стихи на французском
языке, в которых Т.Л. Толстая критически описывает чувства,
возникающие у нее при взгляде на свой портрет.
© Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна»

**Альбомы рисунков Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой
как иллюстрация жизни старшей дочери писателя**

4 (16) октября 1864 года в Ясной Поляне на кожаном диване у Льва Николаевича и Софьи Андреевны Толстых родилась старшая дочь Татьяна.

*«Рождение моей дочери Тани было как праздник, и вся ее жизнь была потом для нас родителей, сплошная радость и счастье. Никто из детей не внес такого содержания, такой помощи, любви и разнообразия, как наша Таня. Умная, живая, талантливая, веселая и любящая, она умела вокруг себя устроить счастливую духовную атмосферу, и любили же ее все – и семья, и друзья, и чужие»,*¹ – писала Софья Андреевна в дневнике.

В очерке «Детство Тани Толстой в Ясной Поляне» Татьяна Львовна признавалась, что с *«чувством горячей благодарности»*² думает о тех, кто окружал ее в эту счастливую пору жизни. Особенно она выделяет отца, «руководившего жизнью», мать, украшавшую жизнь, и англичанку-воспитательницу Ханну, прожившую в семье шесть лет и дававшую детям *«любовь, заботу и твердые нравственные основы»*³.

Она с любовью вспоминала сцены из своего детства, которые уже во взрослом возрасте переносила на страницы своего художественного альбома⁴. Как к Рождеству наряжала голых деревянных куколок-скелетцев вместе с братьями и мама; как Лев Николаевич привез в Ясную Поляну из Москвы гигантские шаги – излюбленный аттракцион всей семьи, как Агафья Михайловна – «собачья гувернантка» отдала стеганый халат, сделанный для нее Софьей Андреевной, оценившей борзой Милке.

Один случай, проиллюстрированный в альбоме, запомнился особенно. Когда Тане было два года, она влюбилась в соседа Николеньку Арсеньева. Как-то ее мыла англичанка в ванне. Случившееся затем описала Софья Андреевна: *«Только что намылили ей голову, она, услышав голос Арсеньева, быстро выскочила из ванны, стремительно побежала и, мокрая, намыленная и голенькая, явилась перед предметом своей любви, объявив ему торжественно: “Вот она, Таня”»*⁵.

**Альбомы рисунков Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой
как иллюстрация жизни старшей дочери писателя**

«Вот она, Таня!»
Тушь, перо.
Рисунок из альбома
Сухотиной-Толстой
Т.Л. 1905-1915.
© Музей-усадьба
Л.Н. Толстого
«Ясная Поляна»

**Альбомы рисунков Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой
как иллюстрация жизни старшей дочери писателя**

На страницах этого альбома художница впервые поставила свою авторскую подпись — монограмму из переплетенных букв: «СТ».

Таня получила хорошее домашнее образование. Склонность к рисованию проявилась у нее еще в детстве. Сильное впечатление на нее произвел в 1873 году приезд в Ясную Поляну художника Ивана Николаевича Крамского. Девятилетняя Таня внимательно следила за работой великого художника и как чудо воспринимала то, что на ее глазах возникало на холсте.

Отец, заметивший интерес дочери к живописи, пригласил для нее из Тулы учителя рисования, Василия Симоненко⁶, чтобы он два раза в неделю давал ей уроки. Таня с большим интересом начала учиться, хотя позже признавала, что Симоненко ее мало чему научил.

Первые художественные опыты 12-летней художницы мы видим в «Тетради рисунков Тани Толстой»⁷. Тетрадь состоит из пяти двойных листов писчей бумаги большого формата с тиснением: «Говардъ», сшитых по линии сгиба белыми нитками. На каждом из листов помещено по два рисунка — мужские и женские головки, вероятно, срисованные из какого-то пособия для рисования.

В своем дневнике она отмечала: *«Когда я рисую головки, так себе, «пур селепетан», мне ужасно досадно, если их никто не поймет. Для меня эти головки — живые люди с характером, я их так и вижу, но никто, никто их не понимает и не ценит, а, напротив, говорят мне: «Что ты пустяками занялась, ты бы что-нибудь серьезное рисовала», или: «Боже мой, какие уродины!» — а для меня они кажутся прекрасными»*⁸.

Позже в Ясную Поляну стал ездить другой учитель, Баранов, и начал писать с Таней масляными красками с натуры. *«Но и он учил меня только технической стороне живописи»*⁹, — признавалась она позже.

**Альбомы рисунков Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой
как иллюстрация жизни старшей дочери писателя**

Когда семья Толстых переехала в Москву, отец отвез уже семнадцатилетнюю Татьяну к директору Училища живописи и ваяния Василию Григорьевичу Перову. Тот проэкзаменовал девушку и вынес вердикт: *«Если она сумеет забыть все то, чему ее учили, то из нее может выйти толк, так как способности у нее большие»*.

*«Бедный Симоненко! Бедный Баранов! Но забыть первые приемы, преподанные в детстве, очень трудно. И, сколько я ни старалась, так и не могла отделаться от манеры моих первых учителей. Главный их недостаток состоял в том, что они позволяли мне заниматься мелочами и подробностями, не обращая внимания на правильность общего. Я вырисовывала каждый волосок на бороде натурщика, тогда как глаза его не были на месте и нос заезжал на щеку»*¹⁰.

Среди учителей и наставников Татьяны были Илья Ефимович Репин, Николай Николаевич Ге. В Школе живописи, ваяния и зодчества она познакомилась с Владимиром Егоровичем Маковским, Леонидом Осиповичем Пастернаком, Василием Дмитриевичем Поленовым и др. Все они заинтересовано следили за ее успехами.

22 февраля 1883 года в дневнике она записала: *«Теперь я занимаюсь живописью и музыкой, а не flirtation, хотя это последнее идет успешнее у меня, чем искусство. Я рисую в Школе прехорошенькую евреечку в красном башлыке, но выходит дурно. По субботам я у Поленова пишу nature morte, какие-то тазики и кружечки»*¹¹.

Видимо, тогда же в Москве у Татьяны появился миниатюрный изысканный альбом¹², где ее знакомые и друзья оставляли автографы. Альбомчик очень маленький — размер странички 4,8х6,4 см, но довольно пухлый — в нем сотня листков плотной бумаги. Он весьма изящен в своем переплете из тончайшей коричневой кожи, украшенном серебряными с тиснением в стиле модерн накладками по углам и перекидной застежкой. Рисунок

**Альбомы рисунков Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой
как иллюстрация жизни старшей дочери писателя**

Поленов В.Д. Генисарет или море Галилейское.

Акварельный рисунок.

Справа внизу монограмма из переплетенных букв «В» и «П».

Из альбома с рисунками русских художников и автографами деятелей науки и культуры, принадлежавшего Т.Л. Толстой. 1889-1932.

© Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна»

ков в альбоме 37 (24 акварельных, 12 карандашных, один пером) и один коллаж. Учитывая ее крошечные размеры, рисунки, по существу, являются миниатюрами. Нужно заметить, что порядок расположения рисунков в альбоме зачастую не совпадает с хронологией их исполнения. Миниатюрный альбом заполнялся с 1880-х по 1932 годы, в нем помещены рисунки русских художников и автографы деятелей науки и культуры. Среди них — фрагмент нотной записи А.Б. Гольденвейзера, автографы Ромена Роллана, Бернарда Шоу, Махатмы Ганди, карандашный рисунок И.Е. Репина, Л.О. Пастернака, акварели В.Е. Маковского,

Альбомы рисунков Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой
как иллюстрация жизни старшей дочери писателя

Поленова Е.Д. Избушка на курьих ножках.

Акварельный рисунок. Слева внизу монограмма: «ЕП».

Из альбома с рисунками русских художников и автографами деятелей науки и культуры, принадлежавшего Т.Л. Толстой. 1889-1932.

© Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна»

В.Д. Поленова и его сестры Е.Д. Поленовой, прижизненный портрет Л.Н. Толстого работы Паоло Трубецкого.

Лев Николаевич заинтересованно следил за профессиональным ростом своей дочери. Исподволь передавая ей свои взгляды на искусство, поощряя ее скромность, он одновременно призывал ее учиться мастерству, укреплял в ней веру в ее силы. «Пиши, пиши хорошенько, и хоть не совсем, но немножко верь тому, что тебе говорил Пастернак»¹³, — призывал он ее в 1893 году.

Большая часть жизни Татьяны Львовны прошла вблизи Толстого, под влиянием его авторитета. Она вслед за отцом занималась педагогической деятельностью, работала «на голоде».

**Альбомы рисунков Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой
как иллюстрация жизни старшей дочери писателя**

Долгие годы она выполняла секретарскую работу, переписывала рукописи отца. В своих рисунках Татьяна Львовна постоянно обращалась к образу Толстого, сделав многочисленные зарисовки отца за разными занятиями.

Даже первые сюжеты для рисунков Татьяне подсказывал Лев Николаевич: это были любимые яснополянские места – деревня, ее окрестности, леса, поля, река Воронка, – она рисовала их с упоением и любовью.

«Жизнь в деревне дала мне любовь к уединению, к спокойствию и дала привычку наблюдать и любить природу»¹⁴, – писала Татьяна Львовна. С детства, благодаря отцу, она была приучена к физическому труду, работала в поле и на сенокосе.

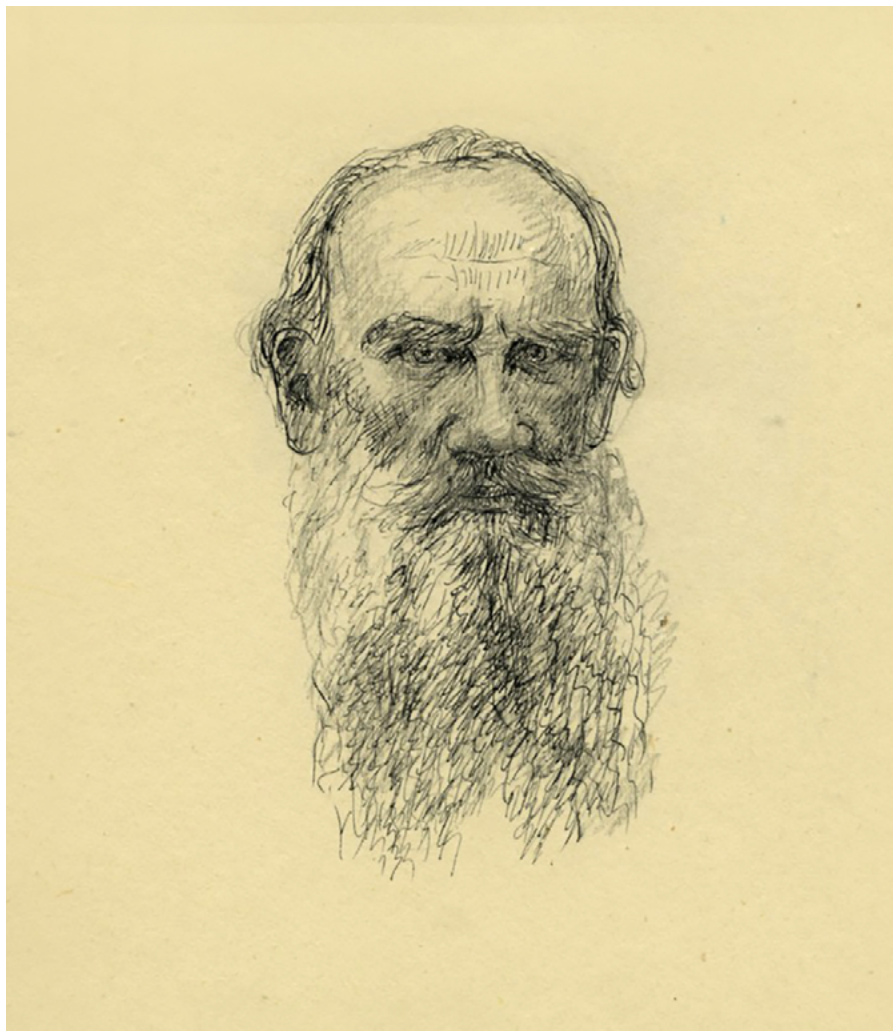
Несмотря на близость к отцу и увлеченность его работой, мысли о собственной семье никогда не оставляли Татьяну. 6 октября 1886 г. она записала в дневнике: *«Папа сейчас присылал малышей спрашивать у нас, чтобы мы сказали три своих желания. Я немедленно ответила: “Хорошо рисовать, иметь большую комнату и хорошего мужа”»¹⁵*.

После многих лет сомнений и поисков 14 ноября 1899 года Татьяна Львовна вышла замуж за Михаила Сергеевича Сухотина, старого друга семьи Толстых.

«Не было человека в доме, который бы сочувствовал Таниному замужеству. Все были против. Мама всегда мечтала о блестящей партии для своей любимицы <...> У Тани не было недостатка в женихах. И вдруг она выходит замуж за вдовца с шестью детьми <...> С течением времени все полюбили Михаила Сергеевича. Веселый, остроумный, с прекрасным характером, он всегда вносил оживление»¹⁶ – писала Александра Львовна Толстая.

После замужества Татьяна Львовна переехала к мужу в имение Кочеты. На протяжении шести лет после свадьбы ей не удавалось родить желанного ребенка – дети умирали в последние месяцы беременности. 19 ноября 1905 года на свет появилась

**Альбомы рисунков Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой
как иллюстрация жизни старшей дочери писателя**

Портрет Л.Н.Толстого.

Тушь, перо.

Рисунок из альбома Сухотиной-Толстой Т.Л. 1940-е.

© Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна»

**Альбомы рисунков Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой
как иллюстрация жизни старшей дочери писателя**

ее единственная дочь Танечка, которую Лев Николаевич ласково станет называть «Татьяна Татьянна».

В 1910 году умирает Лев Николаевич. *«Живу им. Весь день почти думаю о нем, пишу о нем, читаю о нем»*¹⁷ — записала Татьяна Львовна.

В 1914 году скончался Михаил Сергеевич Сухотин, после чего Татьяна Львовна вернулась в родную усадьбу. В Ясной Поляне она помогала Софье Андреевне сохранять имение в том же виде, как и при Толстом, как и мать, показывала дом писателя посетителям, и, конечно, продолжала рисовать.

В альбоме¹⁸ с монограммой: «Т.С.Т.» на верхней крышке 29 рисунков, выполненных в различной технике. В альбоме Татьяны Львовны мы видим интерьеры яснополянского дома в 1916 году, крестьянку в костюме Новосильского уезда Тульской губернии, портреты гувернанток детей брата Льва Львовича, который с семьей гостил в усадьбе. В альбоме графитным карандашом он написал портрет сестры, а слева внизу оставил подпись: «Л.Л.Т. / Мартъ / 1916 г.» Татьяна Львовна пишет и портрет своей любимой тетушки Татьяны Андреевны Кузминской.

*«Как я свою тетеньку люблю! — писала Татьяна в своем дневнике еще в молодости. — Она — мой добрый гений! Когда я злюсь, она меня укрощает, и всегда так мягко. Когда мне дома что-нибудь не по душе, пойду к ней — она меня утешит. Приятно иметь такого друга, в котором уверена, что чтобы ни было, придешь к ней и она тебя приласкает, утешит и поберет, когда надо».*¹⁹ Татьяна Львовна разместила во флигеле, в котором на протяжении многих лет гостила Татьяна Андреевна. Левый флигель яснополянской усадьбы получил название в семье «Кузминский дом».

Там же в Ясной Поляне Татьяна Львовна пережила непростые годы революции и Гражданской войны.

Она писала в дневнике о тяжелых годах революции: *«...дни мои подходят к концу, а капитал мой конфискован, Овсянни-*

**Альбомы рисунков Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой
как иллюстрация жизни старшей дочери писателя**

ково взято и Кочеты, где у Тани есть свои 61 десятина, тоже взяты. В Кочетах дом, скотина и весь инвентарь разгромлены и расхищены. У меня там была меблировка пяти комнат, кое-какие платья, белье, вещи; много материи, катушек и пр. оставшееся от бабьих работ – разграблено. К большой моей радости, у меня ни к кому из крестьян нет никакого дурного чувства»²⁰.

С 1917 по 1925 год, особенно проявился мужественный характер Татьяны Львовны. Она сама возделывала огород, плела из веревок обувь, вязала платки на продажу, зарабатывала на хлеб для себя и своих близких. Вместе с матерью, сестрой Александрой Львовной и братом Сергеем Львовичем она среди всеобщей разрухи и неустроенности занималась созданием музеев Толстого.

В 1920 году Татьяна Львовна вместе с дочерью переехала в Москву, где жила у родственников на Поварской улице.

*«Москва неузнаваема. Совсем нет магазинов. Есть городские лавки, в которых по карточкам дают очень маленькое количество продуктов – настолько малое, что жить ими нельзя. <...> Две недели тому назад я прошла в Туле по базару с платками и шарфами. Продала один платок за 160 р. и два шарфа по 80 р.»*²¹

8 ноября 1920 г. в альбоме Татьяна Львовна пишет портрет своей дочери. В центре едва различимая авторская надпись: «Т. Сухотина». Под рисунком надпись синими чернилами уже рукой Т.М. Альбертини: «Tania Soukhotine». Портрет дочери, видимо, последний рисунок, сделанный Татьяной Львовной в России. Следующие появятся в альбоме уже после эмиграции в Европу.

В 1925 году по инициативе Анатолия Васильевича Луначарского Татьяна Львовна была командирована за границу для чтения лекций о Толстом. Ни она, ни ее дочь не предполагали, что покидают родину навсегда. «... я всей душой против того, чтобы сделать Таню эмигранткой, – писала она брату Сергею 17 июня 1925 года из Парижа, – это положение очень тяжелое, и как до

**Альбомы рисунков Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой
как иллюстрация жизни старшей дочери писателя**

*поездки сюда, так и теперь я считаю своим долгом жить в России и не отрываться от нее Таню»*²².

За границей она читала лекцию «Семейная драма моего отца», стараясь достоверно осветить конфликт ее родителей. Но лекции не приносили дохода, Татьяна Львовна с сожалением писала: *«Вчера здесь (в Гааге) читала лекции. Было очень пусто, так что не окупались расходы»*²³.

«Сидим без копейки денег. Мама зарабатывает портретами, а я служу. Делаю искусственные цветы»,²⁴ — писала Татьяна Михайловна.

Во Франции Татьяна Львовна не оставляла занятия рисованием, организовала в Париже в 1929 году Академию живописи, сотрудниками которой были художники Н.Д. Милиотти, М.В. Добужинский, К.А. Коровин, И.Я. Билибин, Б.Д. Григорьев, и хотя просуществовала академия всего полтора года, «атмосфера искусства» продолжала жить еще долгие годы в дружеских встречах с художниками, в переписке.

Татьяну Львовну волновало больше не ее материальное положение, а будущее дочери, ее семейное счастье. И вот в 1930 году она с радостью извещает брата Сергея: *«Таня выходит замуж за итальянца, которого она любит уже полтора года. Зовут его Leonardo Albertini, ему 27 лет, он доктор права, а занимается он хозяйством в римской кампании, где у отца большие земли...»*²⁵. Свадьба Татьяны Михайловны и Леонардо Альбертини состоялась 8 октября 1930 года в Италии. Тогда же в октябре Татьяна Львовна графитным карандашом написала портрет дочери в альбоме.

Все последующие альбомы будут заполняться в Италии, где Татьяна Львовна проживет оставшиеся 20 лет.

В Риме молодые жили неподалеку от парка «Вилла Боргезе». Татьяна Львовна поселилась отдельно в маленькой квартирке на Виа Пинчиана (via di Porta Pinciana). Впервые в своей жизни она жила одна. Несмотря на полную обеспеченность жила очень скромно, стараясь зарабатывать сама.

**Альбомы рисунков Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой
как иллюстрация жизни старшей дочери писателя**

«... у меня небольшая квартирка с садом», – писала она брату Сергею в мае 1931 года, – где я сажаю землянику, малину, розы, салат, русские огурцы, мандарины, апельсины. Этот для меня огромная отрада... Часто ко мне заходят и заезжают Танины новые родственники. Они нас совсем признали за своих. По маленечко пишу. Мне заказана по-французски биография отца»²⁶.

Издание сочинений отца и его биографии, работа над воспоминаниями, чтение лекций – вот круг деятельности Татьяны Львовны в последние десятилетия жизни. Не была заброшена и живопись.

«У меня ученик, которого я учу рисовать. И два раза в месяц ко мне собираются русские художники, – писала Татьяна Львовна племяннице Анне Ильиничне Поповой-Толстой 21 февраля 1937 года – Мы сажаем натуру и рисуем при очень сильной лампе до 8-ми. И в восемь моя итальянка приносит огромную кулебяку, винегрет, два фиаско с белым вином и все это ставится на стол. Собирается еще кто-то из русских, и все едят, и пьют с удовольствием, и сидят до поздней ночи»²⁷.

Портреты людей, окружавших Татьяну Львовну в Италии, занимают значительное место в ее альбомах²⁸, это и новые родственники и незнакомцы. Как правило, это подгрудные изображения с прекрасно прорисованными глазами. Любимые, как она писала еще в юности, «головки».

«...а я своими итальянцами довольна, – пишет она сестре 10 августа 1934 г. – они добрые; немного ребячливы; очень доброжелательны; а elite образована и культурна по-настоящему»²⁹.

Из окон своей небольшой римской квартиры Татьяна Львовна любовалась великолепными пейзажами: «...изо всех окон дивный вид: – писала она брату Сергею – с одной стороны видны термы Каракаллы, via Appia, Castelli Romani, Monte Cavo, Rocca di Papa... а с другой стороны – весь Рим, собор Петра и др.»³⁰

Виды Италии не могли оставить Татьяну Львовну равнодушной. Ведь красота этой древней страны имеет собственный, ха-

**Альбомы рисунков Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой
как иллюстрация жизни старшей дочери писателя**

рактерный только для нее колорит. В альбомах она рисовала окружавшую ее природу и архитектуру.

Сергей Михайлович Толстой рассказывал про свою тетку и семью Альбертини: *«Лето они проводили в Пьемон-а-Парелла в имении деда Леонардо по материнской линии, писателя Джакоза, или в Альпах в Грессоне, городе, расположенном у подножия Монт-Роз»*³¹. Гостила она и у родственников Леонардо Альбертини на Капри. Посещала громадный средневековый замок Торре-ин-Пьетра³² в 40 км от Рима, который с 1926 года был собственностью отца Леонардо, сенатора Луиджи Альбертини.

Но все же за границей Татьяна Львовна жила мыслями о родине. В ее альбоме³³ появляется яснополянский пейзаж: могила отца, на краю оврага Старого Заказа. А в письме к брату Сергею она предается таким воспоминаниям: *«Я часто думаю, как странно, что я никогда уже Ясной не увижу. А как бы вдруг я себя почувствовала дома, легко, тепло, спокойно в своей комнате над девичьей или с корзинкой в Абрамовской посадке за подберезовиками. <...> Видно, «где родился, там и сгодился». Но не думай, что я тоскую. Но я не могу не чувствовать, что я в чужой стране»*³⁴.

Чаще всего Татьяна Львовна вспоминала об отце. В ее альбомах есть несколько его портретов. В своей римской квартире она создала маленький музей Толстого: собирала книги о нем, вырезки, хранила семейные реликвии.

В последние годы Татьяна Львовна много болела. В 1937 году она записала в дневнике: *«Хвораю. Болит печень... Делать я могу все меньше и меньше. Много вяжу, <...> представляю себе, что какой-нибудь периодически сложный узор – это трудность в жизни. Иногда бывает и пропускаю его – и тогда надо возвращаться и снова преодолевать трудности... По-детски рисую, и довольно много читаю...»*³⁵

Эта запись была сделана в Грессоне³⁶ в маленьком домике, снятом для нее семьей Альбертини на лето. Здесь в Альпах она

**Альбомы рисунков Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой
как иллюстрация жизни старшей дочери писателя**

набиралась сил и с восхищением писала брату Сергею: *«Страна здесь дивная: перед моими окнами расстилается Долина Аосты с ее замками, холмами, покрытыми лесами, речкой, бесконечными виноградниками и фруктовыми садами»*³⁷.

Из-за болезни Татьяна Львовна редко вставала с кровати и выходила из дома, но продолжала рисовать. На страницах альбома появляются работы *«Моя гостиная», «Цветок», «Из моего окна»*³⁸.

*«До чего я стала скверно рисовать. Мое подражание Ван Гогу не вышло»*³⁹ — записала Татьяна Львовна в дневнике. В отношении себя она всегда оставалась строга. На страницах дневника художница размышляла, почему она *«...не была в состоянии сделать большого...»*, хотя иногда и пыталась и считала, что у нее не было того *«... что нужно для гения или хотя бы таланта... "Le genie c'est la patience"»*⁴⁰. В альбомах Татьяна оставляет несколько своих автопортретов, один из которых сопровождает стихом с критической оценкой своей внешности.

Несмотря на проблемы со здоровьем, Татьяна Львовна чувствовала себя счастливой — рядом была любимая дочь и внуки. От брака с Леонардо у Татьяны Михайловны родилось четверо детей: сын Луиджи, дочери Анна, Марта и Кристина. Старшие внуки хорошо запомнили бабушку, и часто дословно повторяли, что «баба» им говорила, чему их учила в том или ином случае. *«Мои дети очень любили свою «бабу» — так они ее называли»*⁴¹, — вспоминала Татьяна Михайловна.

*«Каждый день ко мне заходит мой дорогой Луиджи и своими свежими губками целует мою старую щеку (морщинистую). Для меня видеть его — удовольствие для глаз: слышать — радость для слуха»*⁴² — записала Татьяна Львовна в своем дневнике. Внуку Луиджи она давала уроки живописи, в ее альбоме⁴³ встречается много его рисунков: наброски, пейзажи, натюрморты.

Начало Второй мировой войны Татьяна Львовна встретила в Риме. В одну из трудных минут 1940 года она написала стар-

**Альбомы рисунков Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой
как иллюстрация жизни старшей дочери писателя**

шему брату: *«Итак, Сережа, прощай! Напиши сейчас же, хотя коротко. Я тоже буду писать. Но, возможно, что это будет затруднительно, что сегодняшнее письмо будет последним. Целую тебя, дорогой друг...»*⁴⁴

Татьяна Львовна до глубины души возмущалась войной и записала в дневнике 4 апреля 1942 года: *«...война захватила весь мир. Мировая карта постоянно меняется. Страшно. Человеческому озверению нет границ... Непонятно и грустно это озверение в век такой невероятной культуры. Неужели человечество не может понять того, что нам дан разум для решения мировых вопросов, а не пулеметы. Вот уж воистину "плоды просвещения"»*⁴⁵.

Переписка с родными на несколько лет была прервана Второй мировой войной, но как только появилась возможность, уже в 1944 году Татьяна Львовна дала о себе знать: *«Милый и очень дорогой брат Сережа! Мне сказали, что ты жив и здоров. Какая радость! Представь себе, что я тоже! Несу свои 80 лет довольно бодро. Могу еще довольно много ходить; пишу (конечно, только об отце) и даже занимаюсь живописью...»*⁴⁶ Отголоски войны в альбоме⁴⁷ Татьяны Львовны — портреты американских военных. Здесь же и мирные картины: пейзажи Рима и натюрморты.

После войны Татьяна Львовна писала, что болеть стала еще чаще и вместе с тем ежедневно благодарила судьбу за то, что еще так бодр.

Татьяна Михайловна Альбертини вспоминала: *«Моя мать говорила, что, старея, она обрела счастье и внутренний мир, о которых не ведала в своей юности. Она говорила, что долгая жизнь учит находить счастье в настоящем, радоваться каждому дарованному дню, радость принимать с благодарностью, огорчения — со смирением»*⁴⁸.

С 12 до 86 лет Татьяна Львовна Сухотина-Толстая занималась живописью и рисунком, создавая картины своей жизни на

**Альбомы рисунков Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой
как иллюстрация жизни старшей дочери писателя**

страницах альбомов. Жизни, как она сама признавалась, *«невероятно, незаслуженно счастливой и интересной...»*⁴⁹

На последней странице ее альбома⁵⁰ — пейзаж с деревом и фонтаном, который датирован «9 июлем 1949 годом». Скорее всего, этот рисунок является последней графической работой художницы.

Незадолго до своей смерти Татьяна Львовна призналась дочери: *«Ты сделала мою жизнь счастливой: я не хочу умирать. Но в последнее время я смотрю смерти в лицо, мы познакомились, даже пожали друг другу руки»*⁵¹.

Татьяна Львовна Сухотина-Толстая умерла 21 сентября 1950 года. Она была похоронена в Риме на кладбище около Пирамиды Цестия. На могиле надпись: «Татьяна Сухотина-Толстая, родилась 4 октября 1864, умерла 21 сентября 1950».

**Альбомы рисунков Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой
как иллюстрация жизни старшей дочери писателя**

Примечания

- ¹ Толстая С.А. Моя жизнь: В 2 т. М., 2011. Т. 1. С. 125.
- ² Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. С. 29.
- ³ Там же.
- ⁴ Толстая Т.Л. Альбом рисунков. 1905-1915 гг. МЗЯП КП-3099/264.
- ⁵ Толстая С.А. Моя жизнь. Т. 1. С. 261.
- ⁶ Государственный архив Тульской области (ГУ ГАТО) Ф. 253. Оп. 1. Д. 23. Симоненко Василий Тимофеевич – преподаватель рисования и чистописания в Тульском реальном училище. В 1877 г. Л.Н. Толстой был избран почетным попечителем Тульского реального училища.
- ⁷ Толстая Т.Л. «Тетрадь рисунков Тани Толстой». 1876 г. МЗЯП КП-3099/261.
- ⁸ Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. Москва. 1979. С. 21.
- ⁹ Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. С. 160.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. С. 72-73.
- ¹² Альбом с рисунками русских художников и автографами деятелей науки и культуры, принадлежавший Т.Л. Толстой. 1889-1932 гг. МЗЯП КП-3066/65.
- ¹³ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 66. С. 404. Письмо от 11 октября 1893 г.
- ¹⁴ Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. С. 29.
- ¹⁵ Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. С. 127.
- ¹⁶ Толстая А.Л. Жизнь с отцом. М.: ПРОЗАИК, 2018. С. 78-79.
- ¹⁷ Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. С. 450.
- ¹⁸ Толстая Т.Л. Альбом рисунков. 1897-1930 гг. МЗЯП КП-3099/270.
- ¹⁹ Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. С. 45-47.
- ²⁰ Сухотина-Толстая Т.Л. Там же. С. 491.
- ²¹ Там же. С. 494-494.
- ²² Отдел рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого (ОР ГМТ). Ф. 53.
- ²³ Цит. по: Жданов В.А. Старшая дочь Льва Толстого // Л.Н. Толстой. Статьи и материалы. Вып VII. Горький, 1970 г. С. 154.
- ²⁴ Там же. С. 155.
- ²⁵ Цит. по: В.В. Алексеева, Н.А. Калинина. Татьяна Львовна Сухотина-Толстая // Россия и Италия. Русская эмиграция в Италии в XX веке. Выпуск 5. Москва. 2003. С. 259.

**Альбомы рисунков Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой
как иллюстрация жизни старшей дочери писателя**

- ²⁶ Там же. С. 261.
- ²⁷ Там же. С. 262.
- ²⁸ Толстая Т.Л. Альбом рисунков. 1930-е гг. МЗЯП КП-3066/62.
- ²⁹ Цит. по: В.В. Алексеева, Н.А. Калинина. Указ. соч. С. 260.
- ³⁰ Цит по: Михновец Н.Г. Три дочери Льва Толстого. 2019 г. С. 499.
- ³¹ Толстой С.М. Дети Толстого. С. 113.
- ³² Castello di Torre in Pietra. <https://castelloditorreinpietra.com/en/the-castle/>
- ³³ Сухотина-Толстая Т.Л. Альбом рисунков. 1936-1940-е гг. МЗЯП КП-3066/60.
- ³⁴ Цит. по: Жданов В.А. Указ. соч. С. 157.
- ³⁵ Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник 1937-1943 гг. МЗЯП КП-3099/62. С. 3.
- ³⁶ Грессоне-Сен-Жан (Gressoney-Saint-Jean) — коммуна в Италии, располагается в автономной области Валле-д'Аоста.
- ³⁷ Цит по: Михновец Н.Г. Указ. соч. С. 501.
- ³⁸ Толстая Т.Л. Альбом рисунков. 1930-е гг. МЗЯП КП-3066/64.
- ³⁹ Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник 1937-1943 гг. МЗЯП КП-3099/62. С. 13.
- ⁴⁰ Гений — это терпение (фр.) Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. Москва. 1979. С. 513.
- ⁴¹ Альбертини-Сухотина Т.М. Моя Мать// Яснополянский сборник. 1978 г. С. 276.
- ⁴² Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник 1937-1943 гг. МЗЯП КП-3099/62. С. 14.
- ⁴³ Сухотина-Толстая Т.Л. Альбом рисунков. 1930-1940 гг. МЗЯП КП-3066/61.
- ⁴⁴ Цит. по: Жданов В.А. Указ. соч. С. 159.
- ⁴⁵ Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник 1937-1943 гг. МЗЯП КП-3099/62. С. 23-24.
- ⁴⁶ Цит. по: Жданов В.А. Указ. соч. С. 160.
- ⁴⁷ Сухотина-Толстая Т.Л. Альбом рисунков. 1930-1940 гг. МЗЯП КП-3066/59.
- ⁴⁸ Альбертини-Сухотина Т.М. Моя Мать// Яснополянский сборник. 1978 г. С. 277.
- ⁴⁹ Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. С. 514.
- ⁵⁰ Сухотина-Толстая Т.Л. Альбом рисунков. 194-е г. МЗЯП КП-3066/58.
- ⁵¹ Альбертини-Сухотина Т.М. Указ соч. С. 278.

Мазурук Ольга Николаевна

Заместитель директора по научно-просветительской деятельности
МБУК «ИММК «Бобрики»

Последний владелец усадьбы Бобрики — граф А.А. Бобринский

Усадьба Бобрики, основанная Екатериной II в 1773 г., предназначалась для внебрачного сына императрицы и графа Григория Орлова Алексея. Свою фамилию – Бобринский, родоначальник рода графов Бобринских, получил по названию села Бобрики Епифанского уезда, на территории которого и была расположена усадьба. Сегодня – это историческая часть города Донского.

Сыновья Алексея Григорьевича дали начало трем ветвям рода, младшей из которых является бобриковская ветвь, представителем которой был Алексей Алексеевич Бобринский (1861–1938) – третий и последний владелец усадьбы.

Если обратиться к справочной биографической литературе в поисках сведений о владельцах имения, то можно заметить, что до недавнего времени найти их представлялось очень проблематичным, особенно если говорить о последнем представителе угасшей бобриковской ветви – А.А. Бобринском. Наиболее

полной биографией А.А. Бобринского является статья-некролог историка Д. А. Расовского, опубликованная за границей в 1940 г.

«Русская наука потеряла в лице графа Бобринского замечательного ученого, прекрасного знатока русской художественной старины, а Россия – большого патриота» — так писал Дмитрий Александрович Расовский. [16] Однако столь высокая и абсолютно справедливая, как мы теперь знаем, оценка Алексея Алексеевича, не уберегла его от безвестности.

По словам историка Михаила Талалая, автора ряда работ, посвященных русским эмигрантам в Италии, «судьба Алексея Бобринского – классический пример непонятой и невостребованной жизни». [12, 33] Отчасти с этим можно согласиться.

Его научная карьера оборвалась в 1917 году, а в эмиграции, где он прожил двадцать лет, не получила своего развития. Его наследие по разным причинам так и не попало в научный оборот. Слишком много оказалось досадных совпадений и «невезений» в судьбе ученого, в дальнейшем приведших к забвению и имени Бобринского и его научно-исследовательских работ. Отрицательную роль сыграло и то, что Алексея Алексеевича путали с его родственником, графом Алексеем Александровичем Бобринским (1852–1927) — известным историком, археологом, общественным деятелем, книги Бобринского-этнографа приписывали Бобринскому-археологу.

Имя Алексея Алексеевича Бобринского, как имена многих наших соотечественников, вынужденных эмигрировать за границу, лишь сегодня вновь возвращается в Россию.

В 1993 г. в журнале «Вопросы истории» опубликована статья М.В. Петровой о представителях рода, в которой кратко дана научная биография Алексея Алексеевича. Она считает, что «с его именем связаны важные научные открытия» и отмечает его исследования в Средней Азии. [14]

«Одним из крупных деятелей нашей культуры» назвал Алексея Алексеевича Санкт-Петербургский этнограф А.М. Решетов, который первым в России посвятил самостоятельную работу

А.А. Бобринскому. [17] В 2013 г. Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН был издан этнографический альбом «Памирские экспедиции графа А.А. Бобринского 1895-1901 годов», автором которого является Давлат Худоназаров. [19] О заграничном периоде его жизни наиболее полное представление дает книга «Граф Бобринской. Долгий путь от Памира до Доломит», вышедшая в Италии в 2012 г. [12] В октябре 2012 г. при поддержке Дома Русского Зарубежья имени Александра Солженицына (г. Москва) авторы книги – Михаил Талалай, Бьянка Марабини-Цегеллер, Давлат Худоназаров, провели ее презентацию у нас в музее.

При этом мимо внимания исследователей практически прошла деятельность Алексея Алексеевича в качестве владельца усадьбы Бобрики, которую он унаследовал после смерти своего отца А.В. Бобринского. В первую очередь это объясняется тем, что владельцы усадьбы не так часто в ней жили, а Алексей Алексеевич, будучи ученым, большую часть жизни проводил в экспедициях.

Собирая по крупицам факты из жизни этого неординарного человека, мы смогли узнать многие факты его биографии, этапы его научной деятельности. Первой и, по сути, единственной работой, касающейся в какой-то мере жизни Алексея Алексеевича в качестве владельца усадьбы, стал доклад Ю.Н. Задкова, заместителя директора нашего музея, на научной конференции в г. Богородицке «Род Бобринских в истории Отечества» в 2001 г.

Итак, обратимся к личности Алексея Алексеевича.

Он родился в Москве, 21 декабря (9 декабря) 1861 г. и принадлежал к высококультурной семье, в традиции которой было интересоваться своим прошлым. Его родители – граф Алексей Васильевич Бобринский и графиня Софья Алексеевна, рожденная Шереметева.

Образование Алексей Алексеевич получил в Московском лицее цесаревича Николая. В фонде Бобринских в РГАДА хранится его табель об успеваемости. Удивительно, но будущий уче-

Граф Алексей Алексеевич Бобринский. Начало 1880-х.
© МБУК «ИММК «Бобрики».

ный-историк имел пятерки только по гимнастике и поведению, а вот по истории его ждала переэкзаменовка, и его оставили в 7 классе. [6]

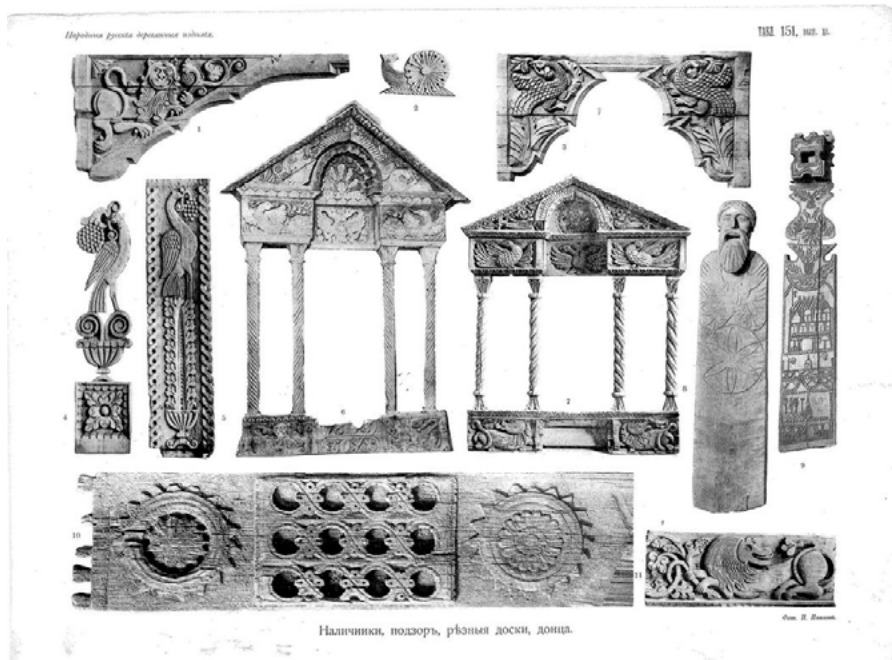
По традиции многих Бобринских Алексей Алексеевич служил в гвардии в Царскосельском лейб-гвардии Гусарском полку (1882–1884). После военной службы поселился в Москве на Малой Никитской улице, часть года проводя в своем имении Бобрики.

Главным делом его жизни стали научные исследования в области этнографии и истории искусств. Интересно, что путь к своей собственной, русской культуре у Бобринского начался в Средней Азии. Именно в тех краях, на вновь обретенной окраине Российской империи, у него укрепился интерес к самобытности и преемственности, к тем категориям искусства, о которых он позднее много размышляет.

В 1895-1901 годах граф организовал три экспедиции в горные районы Средней Азии, по результатам которых был опубликован ряд работ, содержащих важные этнографические сведения, совершенно не известные в России и Европе. Бобринский отмечал, что «с изучением края необходимо спешить, потому что всепоглощающая европейская культура начинает задевать его, а, следовательно, и убивать в нем все самобытное, индивидуальное, характерное». [8, 3]

Мысль о самобытности народной культуры, ее праве на существование и сохранение традиционных промыслов для последующих потомков стала главной мотивацией многолетнего изучения графом А.А. Бобринским русского народного искусства. Причем, если внимательно ознакомиться с многочисленными текстами графа, становится ясно, что исследование как таковое не было его целью. Бобринский хотел сохранить и возродить народную душу – в ее лучших материальных проявлениях, в искусстве быта, жилья, сельской церковности.

Начиная с 90-х годов XIX столетия, он совершил большое количество поездок по Русскому Северу, Верхней и Средней Волге,

Страница книги графа А.А. Бобринского «Народные русские деревянные изделия. Предметы домашнего, хозяйственного и отчасти церковного обихода».

© МБУК «ИММК «Бобрики»

в Смоленск, Псков, Великий Новгород, Архангельск, Петербург и Москву.

В ходе этих поездок был собран и сфотографирован огромный материал. Уникальные предметы граф находил на погостах, в часовнях, скитах и монастырях, в деревнях и городах, в столичных и провинциальных музеях. Итогом этой работы стало издание фундаментального труда «Народные русские деревянные изделия. Предметы домашнего, хозяйственного и отчасти церковного обихода».

Оригинальный труд, посвященный малоизученной теме русского крестьянского деревенского искусства, издавался

графом в течение 5 лет с 1910 по 1914 год. Двенадцать выпусков в скромных издательских папках. 200 листов форматом 40,5х30 см с цветными и тоновыми фотографиями. Более 2500 предметов и объектов. Предельно лаконичное описание и подробные систематические предметные указатели.

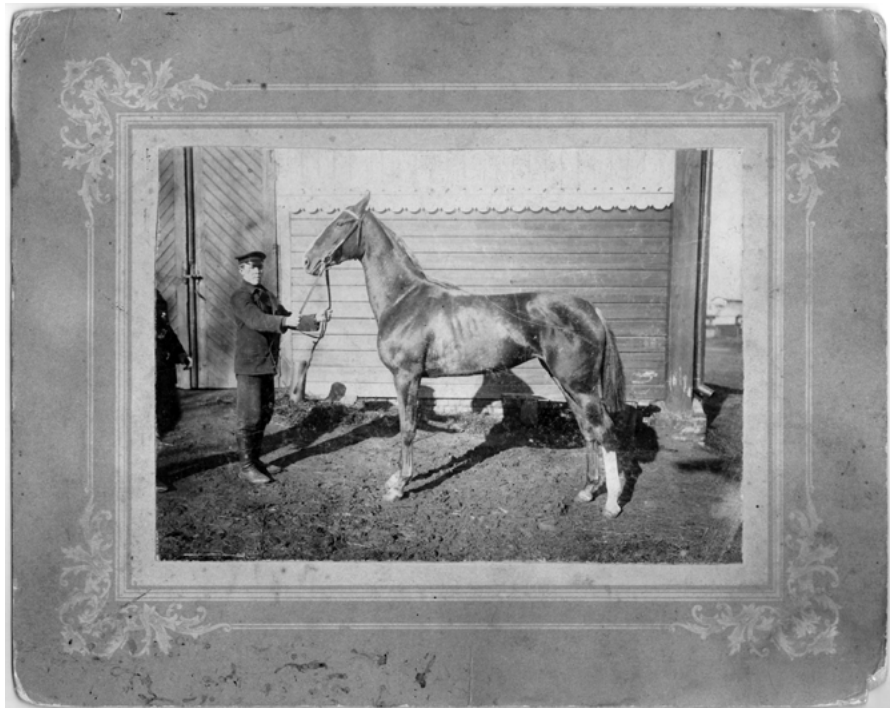
Объем проделанной работы поражает воображение. Такое возможно только благодаря искренней преданности и любви на избранном поприще. За всю историю книгоиздательского дела в России это первая и, как показала дальнейшая история, последняя серьезная попытка осмыслить феномен деревенского деревянного творчества в наиболее полном иллюстративном объеме с предметным описанием.

Этот труд и поныне сохраняет свое значение для изучения культуры и быта северно-русского населения. В 2009–2014 гг. разные издательства в Санкт-Петербурге и Москве осуществили публикацию всех двенадцати выпусков «Народных русских деревянных изделий» А.А. Бобринского.

В первой половине 1910-х годов Алексей Алексеевич начал собирать материал по камнерезному орнаменту древнерусских храмов. Он обращается к изучению романского стиля и его отголосков на Руси в виде каменных резных украшений храмов Владимиро-Суздальского края. Но из широко задуманной работы «Резной камень в России» был издан только первый выпуск, посвященный украшениям соборов Владимиро-Суздальского края (1916 г.). Второй и третий выпуски, в которые должны были войти материалы по древнерусским каменным надгробным плитам и памятникам Армении и Грузии, по разным причинам свет так и не увидели.

И хотя главным делом его жизни стала наука, не менее плодотворной была его деятельность в качестве владельца имения Бобрики, которое перешло к нему в 1888 г.

Первым шагом молодого хозяина стало основание конного завода. «В Бобриках находится конский завод скаковых

Конюх конного завода графа А.А. Бобринского Н.П. Чухров. 1910.
Фотография.

© МБУК «ИММК «Бобрики».

и упряжных чистокровных английских лошадей, принадлежащий графу А.А. Бобринскому». [18]

Конный завод был расположен в службах старого Екатерининского дворца, построенного одновременно с дворцом в Богородицке. Флигели были соединены между собой и образовали замкнутый квадрат. Тут были конюшни, сбруйные, конный лазарет, кузница и обширный обслуживающий персонал: конюхи, наездники, конюшенные и специальный тренер, приглашенный графом из Англии вместе с семьей.

На месте современного сквера был разбит скаковой круг. Рядом располагался большой деревянный манеж, в котором работали тренеры с лошадьми в ненастную погоду. По воспоминаниям старожилов этот манеж был разобран в 1920-х гг. [7, 43] На месте нынешнего стадиона и дальше в сторону д. Дубовое находился двухкилометровый круг с ровной дорожкой, по которой совершались тренировочные заезды. Заезды чередовались с выпасами на левадах — четырехугольных участках земли, разделенных рвами, куда было запрещено ходить всем, кроме конюхов и сторожей. Дело было поставлено с размахом и основательно, что не замедлило сказаться на результатах. Кони завода графа Бобринского не раз становились призерами самых престижных соревнований в России и за границей.

Доход приносил и винокуренный завод, который располагался в 3-х верстах от села близ ж/д станции Бобрик-Донской Сызрано-Вяземской ж/д. По всей вероятности, завод был открыт в 1893 г., т.к. в ГАТО хранится чертеж парового котла, одобренный строительным отделением Тульского Губернского правления в декабре 1893 г. с разрешением на его установку. [3] Письмо же с описанием котла датируется ноябрем 1893 г. Из технических новшеств на заводе применялось так же электрическое освещение. [2] Для отопления и производственных нужд завода, в целях сохранения лесов, использовался каменный уголь Бобриковского угольного месторождения, промышленное освоение которого началось в 1883 г. В начале первой мировой завод уже бездействовал и его здание приобрела фирма «Горноток», развертывавшая на тот момент добычу угля на Бобриковском угольном месторождении.

Большое внимание граф уделял лесоразведению. Первые деревья Бобриковской лесной дачи были посажены в 1876 г. отцом Алексея Алексеевича — графом Алексеем Васильевичем Бобринским. Дело отца по разведению леса Алексей Алексеевич продолжил очень успешно. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1901 г. Министерством земледелия и го-

сударственных имуществ ему была присуждена премия – ценный художественный предмет при золотой медали. А в 1909 г. Бобриковскую лесную дачу посетили с экскурсией члены XI Всероссийского съезда лесовладельцев и лесохозяев, проходившего в Туле. Хотя, «до 1917 г. в частных лесах настоящего порядка навести так и не удалось», [10] опыт разведения лесов в Бобриковском имении является приятным исключением. И не случайно желание графа устроить на базе имения лесную академию. А живым памятником графам Алексею Васильевичу и Алексею Алексеевичу Бобринским служат два леса в окрестностях г. Донского.

С 1890-х годов Алексей Алексеевич начитает активно заниматься общественной и благотворительной деятельностью. В 1893 г. он был избран гласным Епифанского уездного земского собрания. Затем почетным мировым судьей по Епифанскому округу (1909). С 1 февраля 1889 года и в течение долгих лет состоял в должности церковного старосты Спасской церкви села Бобрики. Неоднократно делал пожертвования в пользу церкви, содержал хор певчих при храме. [4]

Особая заслуга принадлежит графу А.А. Бобринскому в деле народного просвещения местного крестьянства. За свой счет Алексей Алексеевич содержал «училище на сто учеников и 2 учителей с жалованьем в 60 рублей в год». [4] Для справки: в Тульской губернии в 1896 г. размер жалованья учителя составил в среднем 155 р. по губернии, а минимальный размер жалованья равнялся 30 рублям в год. Такое жалованье, например, было установлено за труд преподавателей вновь открывшейся в 1896 г. Тульской женской гимназии. [11]

В 1899 г. он передал под земскую школу свой отремонтированный каменный дом, что позволило значительно улучшить условия ее работы.[10] В старом же здании школы по инициативе графа Обществом ревнителей русского исторического просвещения 4 июля 1899 г. была открыта первая бесплатная народная библиотека. [1] Заведующим библиотекой стал бобрин-

ковский учитель В.А. Макеев. По данным 1901 г. фонд библиотеки насчитывал 409 томов. [14] В 1912 г при винокуренном заводе была открыта вторая библиотека.

Будучи прогрессивно настроенным, понимая нужды и чаяния крестьян своего поместья, в 1908 г. граф помог им создать Бобриковское кредитное товарищество, которое на деле способствовало подъему крестьянских хозяйств. Насколько полезным оказалось это дело, и «насколько товарищество пришлось ко двору местного крестьянина», мы можем увидеть, сравнив две цифры – 43 члена при основании в январе 1908 г. и 1086 членов к февралю 1909 г. [9, 10]

Как истинный патриот своего Отечества, он был убежден, что рост крестьянской кооперации создаст в России «ядро людей жизнеспособных, трудолюбивых, крепких экономически», которые будут способствовать тому, что Россия «превратится в государство мужественных и культурных граждан, живущих самостоятельным производительным трудом, творя реальное, положительное дело на благо себе, ближним, Родине». [9, 20]

Мысли графа актуальны и для современной России. Как и сто лет назад, создание на селе крепких фермерских хозяйств, укрепление крестьянства и сегодня является залогом процветания и благоденствия России.

В 1916 г. граф А.А. Бобринский уезжает из Бобриков, продав имение местному земству за чисто символическую плату. На попечении Бобринского остается родовая усыпальница, богадельня и школа домоводства и рукоделия, в которой вела уроки его жена Елизавета. Именно ее смерть в декабре 1915 г. окончательно подтолкнула графа к отъезду.

Летом 1918 г. граф навсегда покинул Россию. Остаток жизни Алексей Алексеевич провел в Южном Тироле на севере Италии, в местечке Сиузи, где еще в 1911 г., с учетом последних технических достижений тех лет, построил для себя виллу. Вместе с ним в альпийскую эмиграцию поехала его вторая супруга Мария Дмитриевна.

Он быстро потерял свои капиталы, которые держал в Германии — в результате катастрофической инфляции и шоковой валютной реформы. Теперь нужно было найти средства для выживания, и он открыл на территории своей виллы кафетерий для легких закусок, а часть жилья решил сдавать жильцам.

Обедневший аристократ потихоньку продавал свои ценные вещи, фарфор, серебряные столовые приборы, предметы искусства, превосходные охотничьи ружья. Уже в 1921 г. он переоборудовал свою виллу под пансионат на 12 постояльцев, удалившись жить в полуподвал. Продавал местным жителям и курортникам розы и спаржу. В 1936 г. граф был вынужден продать всю виллу, а сам с женой и компаньонкой перебрался в маленький домик в центре Сиузи. От некогда воистину графского состояния ничего не осталось — только книги и личные бумаги.

4 декабря 1938 года Алексей Алексеевич скончался на 77-ом году жизни. Его похоронили на погосте церкви в Кастельротто, в некатолической зоне, слева от мемориала павших в Первой мировой войне. За годы жизни в тирольской деревне граф снискал к себе большое уважение и любовь местного населения. Как мог, он всегда незаметно, старался помочь ему. Даже свой дом он завещал муниципалитету Кастельротто для устройства в нем детского сада.

Когда граф скончался, крестьяне возложили на гроб венок с трогательной надписью: «Тихому благотворителю – благодарное население».

Алексей Алексеевич умер бездетным, на чужбине, и сия веточка родословного дерева Бобринских оборвалась. Но его добрые дела настоящего ценителя народного искусства и патриота русской культуры постепенно становятся достоянием сегодняшнего поколения.

Список источников и литературы

1. ГАТО Ф.90, Оп. 1, Д. 38532, Л. 60
2. ГАТО Ф.743 Оп. 1 Д. 1976 Л. 1
3. ГАТО Ф. 745 Оп. 1 Д. 1461 Л. 13-14
4. Фонды МКУК «ИММК «Бобрики» КП
5. Фонды МКУК «ИММК «Бобрики» КП
6. РГАДА Ф. 1412 Оп. 4 Д. 25. Л. 1-2
7. Белов А.Г. Донской / А.Г. Белов, Ю.Н. Задков. Тула: Издательский Дом «Пересвет», 2004.
8. Бобринский А.А. Горцы верховьев Пянджа. Ваханцы и ишкашимцы. М., 1908.
9. Бобринский А.А. История одного кредитного товарищества. М., 1909.
10. Бобров Р.В. Лесной закон // Былое. – 1997.-№ 1. – С. 5
11. Вепренцева Т.А. Материальное положение учителей и врачей в российской провинции во второй половине 19-начале 20 веков. // Известия Тульского государственного университета, 2013, № 2, С. 160
12. Граф Бобринской: долгий путь от Памира до Доломит / Б. Марабини-Цеггелер, М.Г. Талалай, Д.Н. Худоназаров. - Больцано: Raetia, 2012. – С. 144
13. Мазурук О.Н. Усадьба Бобрики // Тульские усадьбы. Времена и нравы / отв. ред. Л.Е. Долгина. – Тула: ИП Тенцер Б.Е., 2019, С. 273-289
14. Петрова М.В. Из прошлого рода графов Бобринских // Вопросы истории.-1993. - № 5
15. Попова Т.Г. Первые библиотеки в Бобриках //Донская газета.- 2002.- № 76.
16. Расовский Д.А. Граф А.А. Бобринский //Анналы института им. Кондакова. XI.-Белград, 1940, С. 242
17. Решетов А.М. Алексей Алексеевич Бобринский – российский этнограф и искусствовед // Лавровские (Среднеазиатско-кавказские) чтения 1998-1999 гг. Краткое содержание докладов. СПб., 2001. С. 164-166
18. Россия. Полное географическое описание нашего отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей./ Под ред. Семенова В.П. и общим руководством Семенова П.П. и Ламанского В.И. Том 2. СПб., 1902, С. 481.
19. Худоназаров Д.Н. Памирские экспедиции графа А.А. Бобринского 1895-1901 годов: этнографический альбом: фотографии Н.В. Богоявленского/ Д.Н. Худоназаров; [авт. идеи и отв. ред. В.А. Тишков; авт. каталога М.Б. Лейбов, Д.Н. Худоназаров]; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2013, С. 324

**Усадебная жизнь Мамонтовых в Абрамцеве:
на материалах фотографий из собрания Музея-заповедника «Абрамцево»**

Миронова Наталия Николаевна

Научный сотрудник, Государственный
мемориальный историко-художественный и
литературный музей-заповедник «Абрамцево»

Усадебная жизнь Мамонтовых в Абрамцеве: на материалах фотографий из собрания Музея-заповедника «Абрамцево»

В последней четверти XIX века технологии позволили каждому заниматься фотографией самостоятельно, не прибегая к услугам ателье. Поэтому многие увлеклись любительскими съемками. Мода эта не прошла мимо известного предпринимателя и мецената Саввы Ивановича Мамонтова. Фотография стала для него одним из главных способов фиксации различных событий, как обыденных, так и культурно значимых.

С 1880-х годов у Мамонтовых постепенно складывается традиция любительских съемок. На самых ранних абрамцевских любительских стерео-снимках запечатлено Абрамцево 1881–1882 года: парковые виды, строительство храма, интерьеры Главного усадебного дома. Стереокамеры были более доступны непрофессионалам ввиду их невысокой стоимости и простоты в использовании в сравнении с другими аппаратами. Несмотря на популярность стереофотографии на рубеже XIX–XX столетий,

**Усадебная жизнь Мамонтовых в Абрамцеве:
на материалах фотографий из собрания Музея-заповедника «Абрамцево»**

более поздних стерео-снимков в коллекции мемориальных фотографий семьи Мамонтовых не встречается.

В середине 1880-х у Мамонтова уже была своя камера-обскура. Впоследствии фотографией увлеклись и дети Саввы Ивановича. В своем письме от 28 января — 9 февраля 1889 года тринадцатилетняя Вера Мамонтова делилась с братом Андреем: «Я много занимаюсь фотографией, но до сих пор удалось только два стекла, а три не удались»¹. Любительскими съемками занимались и другие участники Абрамцевского кружка (В.Д. Поленов, И.Е. Репин, Н.А. Прахов и др.).

Благодаря увлечению Мамонтовых фотографией в собрании Музея-заповедника «Абрамцево» в настоящее время находится более восьмисот любительских снимков, около половины из которых составляют фотографии, сделанные в Абрамцеве. Они показывают жизнь в усадьбе в 1880-е — 1910-е годы. Многие из них вместе со снимками из других собраний (ГТГ, Музей-заповедник В.Д. Поленова, частные собрания) вошли в виртуальный проект «Мир Абрамцева. Путешествие в прошлое» в раздел «Усадьба Абрамцево»².

Среди абрамцевских фотографий часто встречаются коллективные снимки, на которых запечатлены все вместе: хозяева и приезжавшие в тот момент гости. У Мамонтовых было несколько традиционных мест, наиболее привлекательных для таких съемок: как правило, возле Главного усадебного дома, на центральном его крыльце или на веранде. Обычно эти фотографии отличаются выверенностью композиции. На снимке, сделанного на веранде Главного усадебного дома в 1893 году, из альбома А.Н. Прахова, все дамы: А.С. Мамонтова, О.Ф. Мамонтова (Томара), В.С. Мамонтова, М.Ф. Мамонтова (Якунчикова) и Е.Г. Мамонтова, — расположились на перилах, напротив них сидит С.С. Мамонтов, а Савва Иванович стоит особняком возле террасы в зарослях душистого табака³. Реже коллективные снимки хозяев и гостей делались в других местах: внутри Глав-

**Усадьбная жизнь Мамонтовых в Абрамцево:
на материалах фотографий из собрания Музея-заповедника «Абрамцево»**

С.И. Мамонтов с семьей на террасе Главного усадьбного дома. 1893.

© Музей-заповедник «Абрамцево»

**Усадебная жизнь Мамонтовых в Абрамцеве:
на материалах фотографий из собрания Музея-заповедника «Абрамцево»**

ного усадебного дома, на крыльце Бани-теремка, в Студии-мастерской, возле церкви Спаса Нерукотворного. Один из самых известных — снимок, сделанный художником В.Д. Поленовым в 1883 году напротив абрамцевского храма⁴. На нем запечатлены К.Д. Арцыбушев (инженер-технолог, один из директоров Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги) А.С. Мамонтов, В.М. Васнецов, Таня Васнецова (дочь В.М. Васнецова), Н.С. Кукин (директор московской фабрики, принадлежавшей Сапожниковым), П.А. Спиро (физиолог, профессор Одесского университета, университетский друг С.И. Мамонтова), Шура Мамонтова (дочь С.И. Мамонтова), С.И. Мамонтов, И.В. Штром (архитектор, академик и профессор Императорской академии художеств), И.С. Остроухов, Е.Г. Мамонтова, М.М. Антокольский, В.И. Ольховская (учительница), И.В. Шпажинский (драматург). Фотография, своего рода, отражает характер Абрамцевского кружка, куда входили самые разные люди: члены семьи Мамонтовых, художники, предприниматели, учителя и др. Само семейство Мамонтовых расположилось рассредоточено: Елизавета Григорьевна сидит между Остроуховым и Антокольским, Андрей Мамонтов (художник) символично устроился возле Васнецова, с которым впоследствии расписывал Владимирский собор в Киеве, младшая дочь Шура уселась в ногах отца, рядом с которым расположились его друг Спиро и компаньон А.В. Штром. Такая же фотография находится в собрании Государственной Третьяковской галереи, но в Третьяковке она чуть длиннее с левой стороны, и на ней виден поворот парковой дорожки, что позволило определить место расположения съемки.

Также в мамонтовской коллекции фотографий были распространены групповые снимки за обеденным столом. В Абрамцеве они, как правило, делались в Столовой или на веранде Главного усадебного дома, а также имеются несколько снимков в Диванной комнате (бывшем кабинете С.Т. Аксакова) 1901–1902 годов. На одной из фотографий на веранде начала

**Усадебная жизнь Мамонтовых в Абрамцево:
на материалах фотографий из собрания Музея-заповедника «Абрамцево»**

В столовой Главного усадебного дома на Пасху. 1888.

© Музей-заповедник «Абрамцево»

1890-х годов в кадр попал М.А. Врубель ⁵. За столом он держится несколько обособленно от остальных. Справа от него сидят С.Д. Свербеева, Е.Г. Мамонтова и ее дочь Вера. Софья Дмитриевна Свербеева (тетя будущей жены В.С. Мамонтова Е.Д. Свербеевой) не раз гостила в Абрамцево, имела общие интересы с Елизаветой Григорьевной в связи с ее активной благотворительной деятельностью. Мамонтова в письме к Н.В. Якунчиковой от 4 июля 1884 года писала: «Пребыванием Софьи Дмитриевны я осталась очень довольна, это свидание нас очень сблизило, она отлично ко мне относится, чем я очень и очень дорожу. В ней я постоянно чувствую человека старше и сильнее себя и разго-

**Усадебная жизнь Мамонтовых в Абрамцеве:
на материалах фотографий из собрания Музея-заповедника «Абрамцево»**

воры с ней укрепляют меня во многом»⁶. На снимке они запечатлены увлеченными разговором. Между Елизаветой и Верой стоит А.А. Киселев, автор нескольких семейных портретов Мамонтовых, на заднем плане — Всеволод Саввич и неизвестный (по надписи на обороте — Я.П. Карпов).

Мамонтовы жили в Абрамцеве в основном в теплое время года. Обычно они приезжали весной к Пасхе. На фотографии, сделанной в Столовой 24 апреля 1888 года, за столом с пасхальными угощениями засняты дети Мамонтовых: Всеволод, Сергей, Александра, Андрей⁷. Нередко на абрамцевских снимках можно увидеть прислугу, как и на данном снимке — в кадр попали камердинер и горничная. Друзья и знакомые Мамонтовых нередко отмечали их особое демократичное отношение к прислуге. Стол венчает большой праздничный кулич. Рядом с ним стоит ваза с пышными цветами, вероятно, выращенными в абрамцевских оранжереях.

Из многочисленных портретных абрамцевских фотографий особый интерес представляют портреты, демонстрирующие занятие или хобби человека. На одном из них, сделанном во второй половине 1880-х годов, запечатлена Елизавета Григорьевна в своем кабинете за рабочим столом⁸. Скромная обстановка характеризует хозяйку усадьбы: аккуратный рабочий стол, несмотря на большое количество бумаг, показывает Елизавету Григорьевну как деятельного человека; красный угол и стоящая на столе шкатулка с росписью сценами из Евангелия (в настоящее время представлена в экспозиции) говорят о ее религиозности; живописные работы художников Абрамцевского кружка рассказывают о ее художественных предпочтениях. Рядом со столом в простенке между окон, по-видимому, висят небольшие портреты ее родных.

Фотографий, изображающих художников за работой в Абрамцеве, немного — лишь три, на которых запечатлены близкие друзья Мамонтовых — члены семьи Поленовых⁹. На одном снимке

**Усадебная жизнь Мамонтовых в Абрамцеве:
на материалах фотографий из собрания Музея-заповедника «Абрамцево»**

В.Д. Поленов за работой в абрамцевской Студии-мастерской.
Вторая половина 1880-х.

© Музей-заповедник «Абрамцево»

**Усадебная жизнь Мамонтовых в Абрамцеве:
на материалах фотографий из собрания Музея-заповедника «Абрамцево»**

1880-х годов представлена Наталья Васильевна с кисточками и альбомом, работающая возле веранды Главного усадебного дома, а рядом с ней под зонтом сидит Елизавета Григорьевна. На другой фотографии второй половины 1880-х годов заснят В.Д. Поленов, работающий над пейзажем в Студии-мастерской, а на третьей 1902 года мы видим дочь Поленовых Екатерину возле сенного сарая в фахверковом стиле, рисующую Пололкин пруд.

Подобно владельцам некоторых других усадеб Мамонтовы устраивали в Абрамцеве праздники. Вероятно, во многом это связано с их впечатлениями от престольного праздника Ахтырской Божьей Матери, который организовывался в соседнем имении князей Трубецких. В своем дневнике Елизавета Григорьевна сделала яркую зарисовку этого праздника в 1872 году: «К этому дню к ним съезжалось всегда очень много гостей. Торжество начиналось обедней и угощением крестьян. Палатки ставили около церкви, перед домом, и народ целый день толпился тут на лужайке. Хозяева и гости принимали участие во всех увеселениях. Я с мужем и Сережей обыкновенно приезжали к обеду. Помню радость детей, когда подавали тарелки с шарадами. После обеда приезжали мои меньшие дети со всеми нашими домочадцами. Перед домом начинали водить хороводы с песнями, бросали детям пряники, за которые они дрались, что очень не понравилось нашему Сереже, и, он во всеуслышание сказал: «не хочу бросать ребятам пряники, я и Бокси своей не бросаю, а даю». Бокси была его любимая собака. Праздник кончался фейерверком, и мы возвращались домой уже совсем поздно»¹⁰.

В Абрамцеве такой праздник организовывался в День Спаса Нерукотворного. Сложилась определенная традиция празднования. Так, например, обязательным атрибутом была раздача подарков. Для этого специально закупались сувениры. На нескольких снимках 1880-х годов запечатлена раздача подарков

**Усадебная жизнь Мамонтовых в Абрамцеве:
на материалах фотографий из собрания Музея-заповедника «Абрамцево»**

крестьянским детям¹¹. На одном из них на крыльце Главного усадебного дома заснята раздающая гостинцы Елизавета Григорьевна, напротив нее — толпа детей, а рядом с ней мальчик раскрывает подарок. Ближе к дому стоит ее сын Андрей. Фотографии показывают радостную атмосферу праздника.

Одним из конкурсов было хождение по бревну. На снимке 1994 года запечатлен за Главным усадебным домом возле ветряка босоногий мальчик, готовящийся идти по тонкому бревну¹². За ним внимательно наблюдает толпа ребят.

В коллекции музея имеется еще одна похожая фотография начала 1890-х годов с двумя борющимися на бревне дамами, где зрителями выступает абрамцевская молодежь¹³. В этой компании узнаваемы В.С. Мамонтов, Ю.Н. Фрей, О.Н. Алябьева (Овсянникова), Т.В. Васнецова, А.С. Мамонтова, И.С. Остроухов. Тем не менее, местоположение забавы изменилось — снимок сделан напротив левого крыльца Главного усадебного дома, что свидетельствует о том, что данный конкурс в разное время пользовался популярностью на празднике.

В собрании музея находится немало снимков абрамцевских развлечений. Как правило, в кадр чаще всего попадали дети или молодежь. Особой популярностью пользовался крокет (довольно распространенное дачное развлечение последней четверти XIX века). Самая ранняя фотография сделана на игровой площадке перед Баней-теремком в 1885 году — в крокет играют О.Н. Алябьева, В.С. Мамонтова, А.С. Мамонтова, Л.И. Лахтина, И.В. Юркевич (запечатлен в момент замахивания молотком по шару), С.П. Братановская. Елизавета Григорьевна сидит на скамейке возле каменной бабы¹⁴.

Мамонтовы приобщали к крокету учеников абрамцевской школы, организованной Елизаветой Григорьевной. На одной из фотографий того же периода (1880-е годы) возле школы засняты девочки за игрой в крокет¹⁵.

**Усадебная жизнь Мамонтовых в Абрамцеве:
на материалах фотографий из собрания Музея-заповедника «Абрамцево»**

Женщины, служащие в абрамцевском доме, у игровой площадки. 1880-е.
© Музей-заповедник «Абрамцево»

Еще одним популярным развлечением усадебной жизни стал аттракцион «Гигантские шаги». Он представлял собой столб, на котором сверху был прикреплен подвижный круг с привязанными к нему веревками с петлями на конце. Люди садились в эти петли, разбегались и на скорости отрывались от земли, как бы делая гигантские шаги. На фотографии 1880-х годов возле игровой площадки запечатлены служащие женщины с ребенком и коляской за самоваром, а позади них на «Гигантских шагах» катаются дети, где в центре находится Шура Мамонтова¹⁶.

**Усадебная жизнь Мамонтовых в Абрамцеве:
на материалах фотографий из собрания Музея-заповедника «Абрамцево»**

Нередко в Абрамцеве играли в городки. На портретной фотографии Саввы Ивановича с пленочным фотоаппаратом 1901 года на фоне Бани-теремка¹⁷ мы видим на земле предметы игры: бруски и палку. Несколько раз о городках упоминается в «Летописи сельца Абрамцева» и даже под впечатлением от игры 17 мая 1881 года И.Е. Репиным, А.В. Кривошеиным, С.И. Мамонтовым, П.И. Якубом и В.М. Васнецовым было написано одиннадцать небольших стихотворений:

«Вот так треск был!
Как врагов мы побеждали,
Городки их разбивали!
А они-то! Как от злости
Гложут кости...» (И.Е. Репин)

Ниже Савва Иванович поясняет: «Горячая полемика эта возникла по случаю игры в городки, было две партии: А.В. Кривошеин, В.М. Васнецов, Арцыбушев и Вока; 2) С.И. Мамонтов, И.Е. Репин, П.И. Якуб и Дрюша. Недовольные, игравшие боем на свежем воздухе враги перенесли сражение на бумагу, и в результате оказались литературные городки»¹⁸.

Несмотря на то, что Абрамцево для Мамонтовых было прежде всего летней дачей, иногда они приезжали в усадьбу и зимой. Несколько снимков показывают катание молодежи на лыжах. Один из них сделан на склоне Таньонова носа в конце 1880-х: детвора готовится скатиться с крутой горы, а Всеволод Мамонтов, по-видимому, уже съехал и поднимается, чтобы прокатиться еще раз¹⁹.

В собрании музея имеется фотография, на которой изображены на первом льду верхнего пруда дети Мамонтовых и две неизвестные крестьянские девочки²⁰. Позы детей в некоторой степени отражают их характеры: неустойчиво держащаяся на льду самая младшая дочь Шура, уверенно стоящая Вера, артистичный, улыбающийся, выставивший правую ногу вперед Андрей и твердо стоящий, в позе солдата, Всеволод.

**Усадебная жизнь Мамонтовых в Абрамцеве:
на материалах фотографий из собрания Музея-заповедника «Абрамцево»**

На абрамцевских фотографиях иногда попадаются животные: собаки, коровы, индюки, козы. Но, пожалуй, чаще всего встречаются лошади, как впряженные в экипаж или сани (в зимнее время), так и верховые. Обычно люди в повозках снимались на фоне Главного усадебного дома. На фотографии конца 1880-х годов в экипаже у правого крыльца запечатлены Е.Г. Мамонтова, неизвестная и В.А. Репина и с детьми²¹.

Мамонтовы и многие гости Абрамцева любили верховую езду, в особенности дочь Мамонтовых Вера. В письме к своему брату Андрею от 13-го июня 1890 года она писала: «Папа подарил мне новую лошадь, карабаха, но он не похож ни на Зилана, ни на Басана, зовут его Гудал, он большой, очень толстый, золотисто-гнедой, смирный необыкновенно. Теперь на Костроме я почти не езжу, но она не стоит, на ней ходит то Врубель, то Любьяна»²². На фотографии конца 1880-х годов мы видим верхом на конях детей Мамонтовых: Всеволода, Андрея, Веру и Сергея на фоне малярного сарая и ветряка²³. Судя по датировкам письма и снимка, Вера, вероятно, сидит на прежней своей лошади Костроме. Надпись под снимком 1901 года, на котором запечатлена на фоне Бани-теремка Вера, сидящая верхом, свидетельствует о том, что в этот период ее любимую лошадь звали Лидой²⁵. Особое теплое отношение к лошадям было у В.А. Серова. С детства он любил животных, более всего лошадей. Он хорошо держался в седле. Много рисунков посвятил этой теме. На фотографии второй половины 1880-х годов заснят Серов вместе с Всеволодом Мамонтовым и его другом Ю.Л. Пфелем верхом на фоне Бани-теремка, ветряка, игровой площадки и детьми, играющими в крокет²⁵. Лошадь Серова запечатлена в движении, в отличие от лошадей Всеволода и Пфеля.

Мужчины в Абрамцеве любили охоту. 16 апреля 1881 года С.И. Мамонтов писал в «Летописи сельца Абрамцево»: «Сережа в первый раз получил разрешение отправиться с большим ружьем на охоту, тяга была, но стрелять ему не удалось, впрочем,

**Усадебная жизнь Мамонтовых в Абрамцеве:
на материалах фотографий из собрания Музея-заповедника «Абрамцево»**

утром еще он сокрушил сойку с пестрыми крыльями»²⁶. Благодаря этому увлечению сын Саввы Ивановича Всеволод стал одним из основателей советского охотничьего и служебного собаководства. Тем не менее, в собрании музея сохранилась лишь одна фотография второй половины 1880-х годов, связанная с этим занятием, на которой засняты на правом крыльце Главного усадебного дома собравшиеся на охоту трое сыновей Мамонтовых, а также М.М. Матусевич, С.Ф. Чиж и Ф.Ю. Берендс²⁷. Молодые люди держат ружья, а за ними, если приглядеться, видны гончие.

Отдельную группу составляют фотографии домашних спектаклей. В Абрамцеве ставились пьесы Н.В. Гоголя «Женитьба», В.А. Жуковского «Камоэнс», Н.А. Островского «Снегурочка», С.И. Мамонтова «Каморра», «Веди и Мыслете», «Иосиф», «Черный тюрбан», «Волшебный башмачок». Из них сохранились снимки спектаклей: «Женитьба» «Иосиф» и «Черный тюрбан».

«Женитьба» была поставлена на веранде Главного усадебного дома 8 августа 1888 года. На одном из снимков, запечатлены все участники спектакля (кроме Серова, который должен был играть Жевакина): О.Ф. Мамонтова (сваха Фекла), Е.И. Гадалова (Агафья Тихоновна, невеста), В.С. Мамонтова (Дуняша), Л.Е. Шульц (тетка невесты Арина Пантелеймоновна), Ю.Л. Пфель (Кочкарев), В.С. Мамонтов (Подколесин), С.П. Спиро (Степан), А.С. Мамонтов (Анучкин), П.А. Спиро (Яичница), Г.И. Гадалов (суфлер)²⁸. На остальных фотографиях «Женитьбы» актеры засняты во время игры.

На снимках четвертой постановки «Иосифа» и третьей «Черного тюрбана» запечатлены не сами спектакли, а некоторые специально поставленные (повторенные) для фотографирования сцены. Пьесы, разные по характеру содержания, исполнялись в Театральном зале Главного усадебного дома 1 августа 1889 года. «Иосифа» Мамонтов написал по известному библейскому сюжету в 1880-м году. «Черный тюрбан» сочинен

**Усадебная жизнь Мамонтовых в Абрамцево:
на материалах фотографий из собрания Музея-заповедника «Абрамцево»**

в 1884 году в духе мелодраматической комедии о том, как грозный Хан Намык похитил для своего гарема прекрасную Фатиму, дочь другого хана, которую спасает влюбленный в нее сын Хана Намыка Селим. Спектакль был смешным, но слегка фривольным по содержанию, что не нравилось Елизавете Григорьевне. В письме к Н.В. Поленовой от 31-го июля 1884 года она рассказывала: «Репетиции каждый вечер, пишут декорации, рисуют афиши, шьют костюмы и т.д. Одним словом шум и суета с десяти утра до двух ночи... Жаль только, что детям приходится работать над такою глупою вещью. Дрюшка так хорош, что хотелось бы его силы приложить к чему-нибудь более серьезному. Беда моя, что я не могу просто относиться и веселиться со всеми заодно, мне все сквозит изнанка веселья, и портит мне все. И здесь опять несу роль полиции и цензуры. Савва так увлекается, что совсем теряет меру и заставляет детей говорить и петь совсем неподобающие вещи, а меня это возмущает и я воюю»²⁹.

На фотографии второго явления первого действия «Черного тюрбана» запечатлена сцена намаза младшего сына старшей жены хана Юсуфа в исполнении юной Шуры Мамонтовой и его наставника Моллы Абдеррасула в исполнении К.А. Коровина³⁰. Примечательно, что из всех фотографий усадьбы Абрамцево Коровин встречается только на снимках спектакля «Черный тюрбан». Художник хорошо вжился в роль, играя от души молящегося наставника.

Красноречиво рисуют творческую атмосферу спектакля две фотографии пятнадцатого явления второго действия, на которых представлено самое большое количество участников: Хан Намык (П.А. Спиро), Фатима (Е.И. Гадалова), Иззеди-Ханум (Л.И. Лахтина), Мустафа (С.С. Мамонтов), Молла, Гуссейн (А.С. Мамонтов), Селим (М.Д. Калинин) и ферраши (В.С. Мамонтов, Ю.Л. Пфель, С.П. Спиро и неизвестный). На одной из фотографий запечатлен окруженный всеми сидящий Хан Намык, дающий наставления³¹. Под снимком расположена надпись,

**Усадьбная жизнь Мамонтовых в Абрамцево:
на материалах фотографий из собрания Музея-заповедника «Абрамцево»**

Домашний спектакль «Черный тюбан» по пьесе С.И. Мамонтова.

Хан Намык, Фатима, Иззеди-Ханум, Мустафа, Молла, Гуссейн, Селим и ферраши (П.А. Спиро, Е.И. Гадалова, Л.И. Лахтина, С.С. Мамонтов, К.А. Коровин, А.С. Мамонтов, М.Д. Малинин, В.С. Мамонтов, Ю.Л. Пфель).
1 августа 1889.

© Музей-заповедник «Абрамцево»

фраза из монолога раскаявшегося хана: «Слова чувствительные эти запомните намычы дети». Далее по пьесе идет текст — с элементами юмора дана характеристика основных участников Абрамцевского кружка:

«Мечеть построить образцово
Взять живописцем Васнецова.
А чтобы полный был эффект,
Пусть Прахов делает проект...»³².

**Усадебная жизнь Мамонтовых в Абрамцево:
на материалах фотографий из собрания Музея-заповедника «Абрамцево»**

Пожалуй, именно в театральных фотографиях (особенно «Иосифа» и «Черного тюбана») ярче всего проявился творческий дух абрамцевской жизни, так как, несмотря на то, что снимки любительские, они хорошего качества, большого формата ($\approx 15 \times 20$), удачно выстроены композиция и свет, а, главное, фотографу удалось запечатлеть непосредственные эмоции участников кружка.

В настоящее время исследуемые снимки 1880–1910-х годов имеют высокую востребованность на выставках, как внутримuzeйных, так и внешних. Фотографии, сделанные в интерьерах Главного усадебного дома, сыграли важную роль при создании экспозиции в Музее-заповеднике «Абрамцево». Рассматриваемые снимки дополняют наше видение абрамцевской жизни. Они показывают не только, кто и когда был в Абрамцево, но и саму атмосферу: отношения, любимые занятия, увлечения, — рисуют абрамцевскую жизнь такой, какой она и была.

**Усадебная жизнь Мамонтовых в Абрамцево:
на материалах фотографий из собрания Музея-заповедника «Абрамцево»**

Примечания

- ¹ Музей-заповедник «Абрамцево». Рук 1265.
- ² <https://www.tg-m.ru/tour/mir-abramtseva-1/>
- ³ Музей-заповедник «Абрамцево». Ф 1421.
- ⁴ Музей-заповедник «Абрамцево». Ф 17.
- ⁵ Музей-заповедник «Абрамцево». Ф 442.
- ⁶ ГТГ. Ф-54 ЕХ-10982.
- ⁷ Музей-заповедник «Абрамцево». Ф 520/6.
- ⁸ Музей-заповедник «Абрамцево». Ф 255.
- ⁹ Музей-заповедник «Абрамцево». Ф 708/100, 519/18, 2437.
- ¹⁰ РГАЛИ. Фонд 799. Опись 1. Дело 312.
- ¹¹ Музей-заповедник «Абрамцево». Ф708/75, 708/78, 708/79, 708/83.
- ¹² Музей-заповедник «Абрамцево». Ф 919.
- ¹³ Музей-заповедник «Абрамцево». Ф 819/3.
- ¹⁴ Музей-заповедник «Абрамцево». Ф 520/1.
- ¹⁵ Музей-заповедник «Абрамцево». Ф 105/5.
- ¹⁶ Музей-заповедник «Абрамцево». Ф 708/42.
- ¹⁷ Музей-заповедник «Абрамцево». Ф 2311.
- ¹⁸ Летопись сельца Абрамцева, Музей-заповедник «Абрамцево». Рук 36.
- ¹⁹ Музей-заповедник «Абрамцево». Ф 708/11.
- ²⁰ Музей-заповедник «Абрамцево». Ф 708/10.
- ²¹ Музей-заповедник «Абрамцево». Ф 708/32.
- ²² Музей-заповедник «Абрамцево». Рук 1268.
- ²³ Музей-заповедник «Абрамцево». Ф 708/43.
- ²⁴ Музей-заповедник «Абрамцево». Ф 2336.
- ²⁵ Музей-заповедник «Абрамцево». Ф 708/40.
- ²⁶ Летопись сельца Абрамцева, Музей-заповедник «Абрамцево». Рук 36.
- ²⁷ Музей-заповедник «Абрамцево». Ф 708/37.
- ²⁸ Музей-заповедник «Абрамцево». Ф 103.
- ²⁹ ГТГ. Ф-54 ЕХ-10985.
- ³⁰ Музей-заповедник «Абрамцево». Ф 101/4.
- ³¹ Музей-заповедник «Абрамцево». Ф 101/7.
- ³² Хроника нашего художественного кружка. М.: Типография А.И. Мамонтова и К^о, 1894. С. 44.

**Педагогические опыты А.Т. Болотова, традиции усадьбы графов
Бобринских – основа просветительской деятельности Богородицкого
дворца-музея и парка**

Перова Ольга Владимировна

заведующая культурно-образовательным отделом

Судакова Юлия Витальевна

методист культурно-образовательного отдела

Богородицкий дворец-музей и парк – филиал ГУК ТО

«Тульское музейное объединение»

**Педагогические опыты
А.Т. Болотова, традиции усадьбы
графов Бобринских –
основа просветительской
деятельности Богородицкого
дворца-музея и парка**

Мы плохо знаем Болотова...

**Смею утверждать: Болотов – один из лучших
писателей XVIII века... пора изучать его в школе».**

А.В. Гулыга¹, доктор философских наук

**И думать: за бюро, причудливо согнутом,
Когда-то протекли счастливые минуты**

Гармонии мечты и бытия.

Графиня Вера Бобринская²

Педагогические опыты А.Т. Болотова, традиции усадьбы графов Бобринских – основа просветительской деятельности Богородицкого дворца-музея и парка

Богородицкий дворец-музей и парк – бывшая усадьба Екатерины Великой и четырех поколений ее потомков, графов Бобринских, – несет в себе черты и стилевые особенности раннего классицизма, сохраняет следы материальной и духовной культуры как XVIII, так и XIX века, и отражает мироощущение жизни ушедших поколений.

Андрей Тимофеевич Болотов (1738–1833) – один из ярчайших представителей эпохи Просвещения, оставил свой след в двадцати восьми областях деятельности, написал триста пятьдесят томов научных, литературных и религиозно-философских произведений, опубликовал около четырех тысяч научных работ... и превратил Богородицк – «ни село, ни город, а некакой междумок между ими»³ – в «чудо здешнего края»⁴. В Богородицкой усадьбе он провел в должности управляющего имением Екатерины II чуть более двадцати лет.

Стихи и музыка, театр и пейзажный парк в русском вкусе, зрелищем которого можно было впервые насладиться воочию, дельные рекомендации по ведению усадебного хозяйства, даваемые просвещенным хозяином, – все это делало дом А.Т. Болотова в Богородицке своеобразным культурным центром, куда съезжались со всей округи. Несмотря на то, что сорок лет своей жизни Андрей Тимофеевич отдал своему родному имению Дворяниново, в том числе и как грамотный управитель, «богородицкий период» навсегда останется «золотым веком» в его биографии. В Богородицком дворце-музее ему посвящено два экспозиционных зала. Первый – научной деятельности в бытность управления усадьбой. Второй – самому его «многодельнейшему делу»: созданию первого русского пейзажного парка.

А.Т. Болотова часто называют человеком эпохи Просвещения. Но если перечислить все его заслуги, таланты, научные открытия, то напрашивается вывод: он и есть российское Просвещение, причем в самом лучшем его проявлении. Здесь имеется

Педагогические опыты А.Т. Болотова, традиции усадьбы графов Бобринских – основа просветительской деятельности Богородицкого дворца-музея и парка

Филонов С.

Экспозиция, посвященная А.Т. Болотову. 2024.

© Богородицкий дворец-музей и парк.

в виду, что данный исторический период имел и некие отрицательные черты.

Обратимся к характеристике только одного аспекта этого периода истории, который дает ученый и богослов Михаил Дунаев (1945-2008): «Что вообще есть Просвещение? <...> Это признание за позитивной наукой способности дать конечное толкование мироздания. Это обожествление и признание всесильности человеческого разума. Это идеологическое обоснование революционного преобразования мира. <...> Торжество так называемого научного мировоззрения вынуждает его носителей отвергать

Педагогические опыты А.Т. Болотова, традиции усадьбы графов Бобринских – основа просветительской деятельности Богородицкого дворца-музея и парка

Филонов С.

Экспозиция, посвященная парку А.Т. Болотова. 2024.

© Богородицкий дворец-музей и парк.

Творца...»⁵. Во времена правления Екатерины Второй⁶ религиозный индифферентизм просвещенной части общества становится приметой времени. Это неоспоримый факт.

А.Т. Болотов не относится к этой когорте. Будучи философом-моралистом, Андрей Тимофеевич распространителей безбожия, подобных Вольтеру, представлял «как извергов и развратителей человеческого рода»⁷. Опираясь на его труды по естественным наукам и философские трактаты, большая часть исследователей научной биографии Болотова никак не может «смириться» с его религиозностью. Но главное, что необходимо помнить и ставить во главу угла (независимо от того, какую

Педагогические опыты А.Т. Болотова, традиции усадьбы графов Бобринских – основа просветительской деятельности Богородицкого дворца-музея и парка

часть деятельности рассматриваем), Болотов был глубоко верующим и воцерковленным человеком на протяжении всей своей жизни. В своей просветительно-педагогической деятельности Андрей Тимофеевич не допускает и мысли жизни без Бога. Философской основе его концепции воспитания близка космология и физикотеология, примиряющие разум и веру.

Труды, составляющие педагогическую концепцию А.Т. Болотова, являются источником вдохновения для культурно-образовательной работы с детьми. Напомним, что педагогики как науки в то время не существовало. Ее определение и содержание сформулировал известный просветитель Н.И. Новиков⁸ только в 1784–1785 годах. Поэтому Андрей Тимофеевич был первопроходцем и опирался при этом только на собственный опыт и здравый смысл. Андрей Тимофеевич не провинциальный философ, который на досуге пишет трактаты на нравственные темы.

В 1784 году свет увидел философский трактат А.Т. Болотова «Путеводитель к истинному человеческому счастью или опыт нравоучительных и отчасти философских рассуждений о благополучии человеческой жизни и о средствах приобретения оно-го», написанный Болотовым в 1772 году в Дворянинове. Кстати, один экземпляр приобретает в этом же году Коломенская семинария. Теперь он хранится в Тульской областной научной библиотеке.

Каждый его постулат проверен нелегким жизненным опытом и подкреплен практикой. Поэтому в его книге вторая и третья части являются непосредственным руководством по проблеме возможных способов достижения человеческого благополучия путем соблюдения правил, подробно описанных автором. Все сочинение разделено на главы (их всего 17), которые Болотов называет «рассуждениями». Стремясь к доступному изложению, он прибегает к аллегориям, сравнивая свои поучения с кушаньями, приготовленными поваром по рецепту врача, а человеческие пороки называет «зверьками».

Педагогические опыты А.Т. Болотова, традиции усадьбы графов Бобринских – основа просветительской деятельности Богородицкого дворца-музея и парка

Рожков Р.

Паркотерапия по-болотовски. 2023.

© Богородицкий дворец-музей и парк.

Его «Путеводитель к истинному человеческому счастью, или опыт нравоучительных и отчасти философских рассуждений о благополучии человеческой жизни и о средствах к приобретению онаго», а также более ранняя «Детская философия, или нравоучительные разговоры между одной госпожой и ее детьми, сочиненные для поспешествования истиной пользе молодых людей» (1776-1779 гг.) – основные произведения, на идеях которых строятся методические рекомендации для проведения музейных уроков и занятий Богородицкого дворца-музея и парка. Но это далеко не полный список. «Памятная книжка, или собрание различных нравоучительных правил», «Забавы живущего в деревне», «К человеку, хотящему быть счастливым», «Утрен-

Педагогические опыты А.Т. Болотова, традиции усадьбы графов Бобринских – основа просветительской деятельности Богородицкого дворца-музея и парка

Рожков Р.

Паркотерапия по-болотовски. 2023.

© Богородицкий дворец-музей и парк.

ники 77-летнего старца, состоящая в советах и наставлениях своим внукам», «Собеседование с Богом и с самим собою» и «Успехи учения» более полезны исследователям, так как по большей части не изданы и хранятся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Огромное значение в контексте рассматриваемой темы имеют его мемуары «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков»⁹, которые писались не для широкой публики, а для пользования внутри семьи. Данный перечень литературы содержит программу мыслителя, целью которой является помочь молодому человеку направлять свои жизненные устремления в нужное русло. На основании изученных трудов Богородицкий дворец-музей и парк более двадцати лет развивает циклы мероприятий программы «Усадебный мир», преследуя те же цели, что и богородицкий управитель. Самым акцентным и ярким

**Педагогические опыты А.Т. Болотова, традиции усадьбы графов
Бобринских – основа просветительской деятельности Богородицкого
дворца-музея и парка**

Рожков Р.

Сотрудник музея Е. Акимов в роли А.Т. Болотова. 2024.

© Богородицкий дворец-музей и парк.

Педагогические опыты А.Т. Болотова, традиции усадьбы графов Бобринских – основа просветительской деятельности Богородицкого дворца-музея и парка

в этой программе является акция «Паркотерапия по-болотовски, или Один день в парке старинном», которая проводится ежегодно в первую субботу июля с 2009 года. В ее основе лежит тематическая экскурсия по парку с элементами театрализации в стилизованных костюмах моды XVIII века. Темы каждый год выбираются различные: философские «блюда» от Болотова, парк – как часть здорового образа жизни, развлекательная нравоучительность (на примерах из жизни Андрея Тимофеевича разыгрываются сценки). Обязательно публике предлагается освоить старинные игры, послушать музыку под сводами вековых деревьев и немного потрудиться: убрать скошенную траву, посадить на клумбах цветы. В 2024 году ставку сделали на рассказ о волостном училище и религиозности Болотова. В части развлечения – устроили танцы на свежем воздухе. Не без помощи контрдансов Андрей Тимофеевич в молодости избавился от излишней стеснительности и неуклюжести. Поэтому гостям было предложено пойти тем же путем и освоить этот вид старинных танцев.

Акция адресована семейным группам. Помимо мам и пап с детьми, постоянными участниками являются и старшее поколение.

Педагогический опыт ученого-энциклопедиста складывается в силу различных обстоятельств. Самым первым пунктом встает необходимость Андрею Тимофеевичу образовывать собственных пятерых детей, а также детей родственников и соседей по имению, а позднее и внуков.

Он обучал их грамоте, письму, арифметике, геометрии, географии, физике, основам философии, учил пользоваться астролябией и электрической машиной, которую сделал сам по чертежам из журнала. Приведем отрывок из воспоминаний Андрея Тимофеевича, где на заре своей педагогической деятельности он берется за обучение дочерей родственницы своей жены, пока та пребывает в отъезде. Этот небольшой эпизод автор

Педагогические опыты А.Т. Болотова, традиции усадьбы графов Бобринских – основа просветительской деятельности Богородицкого дворца-музея и парка

неслучайно приводит, ведь именно с него начинается выработка собственной методика преподавания. «Я положил пересказать им на словах все нужнейшие вещи, что им о Боге, о свете и о человеке знать надобно, и пошел своим порядком. Сделанный опыт и мне и им полюбился. Я продолжал всякий день ввечеру им кое-что сказывать и сделал, так сказать, у себя маленькую аудиторию и слушателями моими были помянутые обе девушки и мой племянник. Но как материи накопилось уже нарочито много, то, опасаясь, чтоб они не позабыли, вздумал я сделать для них небольшую книжку, расположенную вопросами и ответами, в которой бы все то означено и вкратце изъяснено было, что я им рассказывал»¹⁰.

Вторая причина – должность управителя Богородицкой волостью Тульской губернии обязывала его заниматься организацией волостного училища. Эта общеобразовательная школа для крестьянских детей стала одной из первых в губернии. Всего за два года специально для школы было построено на территории усадьбы здание¹¹. В мемуарах Андрея Тимофеевича читаем следующее: «Собственное намерение наместника (имеется ввиду М.Н. Кречетникова) состояло в том, чтобы мальчиков сих, выучив грамоте, обучать потом музыке и из них людей годных к служению в различных должностях при волости, а если они впоследствии отдадутся гр. Бобринскому, то и при нем в доме»¹². Школа была государственной, тридцать мальчиков содержались на казенный счет.

Сразу же после открытия школы, он создал небольшой хор и инструментальную капеллу, которые всякий раз услаждали слух гуляющих по парку гостей усадьбы. Именно из этого факта родилась традиция каждое мероприятие в усадебном парке сопровождать музыкальными номерами, будь то скрипичная музыка или вокал. До этого в 1778 году Болотов участвовал в открытии в Богородицке так же пансиона для дворянских детей, где сам преподавал физику, философию и геометрию. В подра-

Педагогические опыты А.Т. Болотова, традиции усадьбы графов Бобринских – основа просветительской деятельности Богородицкого дворца-музея и парка

жание урока в пансионе музейные сотрудники проводят занятие с мастер-классом «Что написано пером».

Несколько слов об образовании самого Андрея Тимофеевича. Детские годы маленького Болотова прошли при Архангелогородском полку, которым командовал его отец, т.е. в постоянных переездах. В десять лет он был зачислен отцом на военную службу каптенармусом (это хозяйственный военный чин в роте, который отвечал за продовольствие и оружие), чтобы его чин рос вместе с мальчиком. Чин, кстати, дорастет до сержанта.

Трудно переоценить влияние Тимофея Петровича (1700–1750) на своего сына. Очень часто исследователи биографии Андрея Тимофеевича, подчеркивают, как подросток начинал самостоятельно сам себя образовывать, «обделывать свой разум», а именно: изучал иностранные языки, азы математики, черчение, рисовал и музицировал. При этом забывают или не акцентируют внимание на том, что именно его отец дал сыну настолько хорошее начальное образование, насколько позволяли обстоятельства, финансы и его собственные прогрессивные взгляды. Он сам преподавал подрастающему Андрею французский, арифметику и географию. В 1744 году в Пскове шестилетнего Болотова начал обучать русской грамоте старик-малороссиянин, затем в Эстляндии его учил чистописанию полковой писарь Красиков. В 1747 году отец Болотова поручил обучать девятилетнего сына чтению, письму, арифметике и немецкому языку унтер-офицеру немцу Миллеру.

Потом будет год совместного обучения в доме курляндских дворян Нетельгорстов, державшим домашнего учителя – выпускника Лейпцигского университета, саксонца г-на Чаах. Об этом периоде жизни Андрей Тимофеевич вспоминает как о времени, сыгравшем важную роль в его обучении: «... отдание меня в чужой дом, а особливо такой, как был сей, послужило мне в бесконечную пользу, так что я и поныне еще благословляю священный для меня прах моего родителя за то, что он

Педагогические опыты А.Т. Болотова, традиции усадьбы графов Бобринских – основа просветительской деятельности Богородицкого дворца-музея и парка

сие сделал, ибо тут не только в полгода я гораздо множайшему, а немецкому языку столько научился, сколько не выучил во все времена у прежнего учителя, но вся моя натура и все поведение совсем переменялось и в меня впечатлелось столько начатков к хорошему, что проистекли из того на всю жизнь мою»¹³.

Учитель Чаах хорошо знал немецкий и французский языки, в доме Нетельгорста разговаривали только на них, и юному Болотову не составило большого труда овладеть как тем, так и другим.

В 1749 году, будучи проездом в Петербурге, Тимофей Петрович определил Андрея Тимофеевича в один из самых лучших пансионов столицы. Его содержал учитель Кадетского корпуса Ферре. Однако он проучился в нем всего несколько месяцев. В 1752 году, когда у тринадцатилетнего Андрея умерла мать, его дядя – ротмистр конной гвардии Тарас Иванович Арсеньев – устроил его обучаться в дом генерал-аншефа Я.А. Маслова¹⁴. Возможно, что во всем этом не было стройной системы, и учителя были не самого высокого уровня, но для того времени образовательный фундамент был очень неплох. Да и зерна упали на благодатную почву, что позволило позднее Болотову написать: «...я всему научился более самоучкою и по единственной охоте»¹⁵.

Осиротевшему Андрею Тимофеевичу родственники с трудом выхлопотали отпуск по малолетству в деревню, потому что ему нужно было явиться на службу в полк. В Дворянинове, к чести молодого человека, он много времени посвятил чтению, изучению географии, истории, геометрии, фортификации и упражнениям в рисовании.

По окончании отпуска шестнадцатилетний сержант Болотов отправился в свой полк. Службу он начал в Пруссии, Кенигсберге, где с упоением вбирал в себя новые знания: слушал лекции магистра Д. Веймана¹⁶, посещал публичные диспуты в Кенигсбергском университете и слыл постоянным покупателем

Педагогические опыты А.Т. Болотова, традиции усадьбы графов Бобринских – основа просветительской деятельности Богородицкого дворца-музея и парка

в книжных лавках. Любовь к чтению А.Т. Болотов пронес через всю жизнь. Его библиотека в Богородицке насчитывала более 3 тыс. томов. Ежегодно он прочитывал до 220 книг. Совет от Болотова: «Читайте такие книги, где бы изящность добродетелей и гнусность пороков была описана живыми красками. Выпишите и затвердите лучшие места в книгах, которые наиболее приводили вас в чувство... Выписки и заметки – пружины, оружие и амуниция наших хороших желаний»¹⁷. Моралиста сменяет веселый и жизнерадостный человек: «Благополучие человеческое состоит в множайшем количестве веселий, в меньшем числе неудовольствий и печалей»¹⁸. В разделе о нравственном зле Болотов дает классификацию пороков и недостатков по мере их значимости: лень, нега, чувственность, отвращение или ненависть ко всяким обязанностям.

Вышесказанному посвящается музейное занятие «Дом счастливого человека». По форме оно ближе к музейному уроку, потому что состоит из трех частей: рассказа о семейной жизни Болотова, о тех занятиях, которые он придумывал и организовывал для своего окружения (музицирование, домашнее чтение, уроки рисования, декламация, театральные постановки); беседы о понятии счастья и мастер-класса по раскрашиванию рисунка Болотова с видом богородицкого парка. Эту тему продолжает программа «День усадебных традиций» с мероприятием «Вечернее чтение», где акцент делается на важность в системе воспитания чтения. В рамках этой встречи демонстрировался в театрализованной форме пример чтения вслух и чтения по ролям.

Продолжая тему усадебных традиций XVIII века, хочется отметить традиционное отмечание Яблочного Спаса в том месте парка, где стоял дом управителя. Это вечернее мероприятие посвящено Болотову как основателю помологии¹⁹ и его опыту использования яблок в хозяйстве. Поскольку Андрей Тимофеевич любил активное времяпрепровождение, то во время мероприятия осваиваем старинные игры и улаждаем слух музыкой.

Педагогические опыты А.Т. Болотова, традиции усадьбы графов Бобринских – основа просветительской деятельности Богородицкого дворца-музея и парка

А.Т. Болотов стоял у истоков театральной педагогики, основав в Богородицке первый детский драматический театр²⁰, написав две нравоучительные пьесы²¹ для детского репертуара.

Первый Праздник детского театра был проведен в Богородицке в 1979 году, потом эстафету принял на себя музей, и с 1999 года в декабре месяце Овальный зал дворца превращается в импровизированную сцену для школьных театральных трупп. Девиз праздника: «Театр – есть средство воспитания души». Чаще всего для постановок выбираются отрывки из пьес русских классиков, современных драматургов и русских народных сказок. В среднем участвуют 10-15 коллективов Богородицка и Богородицкого района, но встречаются и гастрольные выступления. В 2023 году выступали студенты Тульского педагогического университета.

Сотрудникам музея, занимающимся культурно-образовательной деятельностью, часто приходится использовать завет Андрея Тимофеевича Болотова: «выбирать из всех наук нужнейшие вещи и предлагать... приятным и таким образом, чтоб... дети понимать могли»²².

В чем же заключается основной смысл педагогической концепции Андрея Тимофеевича? Воспитание и образование – это ежедневное семейное общение и учебные занятия, в которые обязательно должны быть включены нравственные беседы и трудовая деятельность. Итог – человек культурный, творческий, обладающий потребностью в эстетических чувствах, с гражданской и нравственной позицией, способный честно служить Отечеству.

Кто скажет, что эти же цели не преследует музей, вовлекая в свою образовательную деятельность подрастающее поколение?!

Напомним, что Богородицкая усадьба знаменита и своими владельцами – графами Бобринскими. В 2012 году во дворце-музее открылась экспозиция «Жили мы высокими мечта-

Педагогические опыты А.Т. Болотова, традиции усадьбы графов Бобринских – основа просветительской деятельности Богородицкого дворца-музея и парка

ми...». Она знакомит с представителями графского рода, которые внесли значительный вклад в развитие промышленности, науки и культуры России, содержит их личные вещи и документы. Но для музейных сотрудников потомки императрицы Екатерины II интересны прежде всего, как обитатели этого дворца, впрочем, нет, лучше сказать дома, того самого дома, в котором улавливался запах яблочного варенья, было шумно от приехавших погостить родственников, звучали музыка и детский смех. Так и хочется хоть одним глазком посмотреть на безмятежную жизнь благородного семейства!

При разработке занятий и мероприятий из цикла «Дворцовые традиции» необходима взаимосвязь исследовательской и музейной работами. Используя предметы, аксессуары и костюмы заявленной эпохи, мы стремимся их «оживить», таким образом, сделав для наших посетителей понятным дворянский быт, поскольку наша основная задача – сохранение исторического наследия.

Театрализованная и тематические экскурсии в нашем музее пользуются особой популярностью. В них театрализованные сценки представлены в соответствии с назначением и особенностями залов, входящих в экспозицию «Парадные интерьеры начала XIX века». Прежде, чем пройти по анфиладе комнат, следует познакомиться с историей строительства дворца. На чертежах зодчего Ивана Егоровича Старова указано назначение каждой комнаты. Вот перед нами гостиная, где разместились ломберные столы, за одним из которых дама и кавалер расскажут о правилах игры в штосс и поведают о знаменитых проигрышах. А ведь Алексей Григорьевич Бобринский, находясь в поезде за границей, проиграл значительную сумму денег. Звуки музыки пригласят в Овальный зал, который предназначался для торжеств и празднеств. Ну как не представить себя дамой в вечернем туалете или галантным кавалером и не закружиться в вихре воздушного, почти летучего вальса?! Дамская гостиная

Педагогические опыты А.Т. Болотова, традиции усадьбы графов Бобринских – основа просветительской деятельности Богородицкого дворца-музея и парка

Рожков Р.

Урок танцев. 2024.

© Богородицкий дворец-музей и парк.

располагает к светскому разговору, в помощь которому «язык веера». Владея этим языком, можно назначить свидание, сделать предупреждение или поведать о своих чувствах. В парадной спальне разговор пойдет о подготовке к балу. Здесь неискушенный посетитель услышит много незнакомых слов: *carnet de bal*²³, шатлен²⁴, фоб²⁵, монетница, держатель для перчаток... Для модниц XIX века это были такие же необходимые вещи, как для нас, наверно, сотовый телефон. Рабочий кабинет раскроет секреты каждого предмета, представленного в этом так называемом мужском царстве.

Вторым по популярности, но не по значению, является «Урок танца». Он дает возможность не только детям, но и взрослым почувствовать себя иначе, чем обычно, может быть, чуточку возвышенным. Полонез, вальс, мазурка, полька, котильон... Один танец сменяет другой, и не трудно представить, как из побочной

Педагогические опыты А.Т. Болотова, традиции усадьбы графов Бобринских – основа просветительской деятельности Богородицкого дворца-музея и парка

с овальным залом комнатки когда-то выходили музыканты и гости, которые, шурша пышными платьями и постукивая каблуками, старались не потерять каданс, то есть не сбиться с такта. А.Г. Бобринский, более всего любивший дом в Богородицке, «здесь собрал большую библиотеку, научился играть на скрипке и устроил собственный оркестрик»²⁶.

А вот и спортивные страницы в истории усадьбы. Рассматривая фотографии, напечатанные с дисков, переданных музеем Мариной Шеррок из Англии, можно отметить, что Бобринские активно занимались спортом. Вот они катаются на лыжах, санках, коньках. «С удовольствием занимались верховой ездой»²⁷. «На площадке к юго-западу от дворца дети и взрослые играли в теннис, рядом были устроены «гигантские шаги», качели, трапеции и площадка для сокольской гимнастики. В одном из боскетов играли в крокет, а во внутреннем дворике, прямо на круглой лужайке перед дворцом, – в лапту и футбол с крестьянами и прислугой»²⁸. Отталкиваясь от вышесказанного, мы разработали занятие «Спорт в усадьбе Бобринских» с мастер-классом по сокольской гимнастике. И акция «10 000 шагов» также имеет успех.

«Поговорим об этикете» – еще одно занятие из цикла «Дворцовые традиции». Где же еще поговорить об изысканных манерах и правилах поведения, как не во дворце?! И здесь опять же хорошим примером служат хозяева дворца, которые даже в курьезных и сложных ситуациях сохраняли спокойствие, выдержку и чувство юмора.

Объединив опыт поколений, живших в богородицкой усадьбе на протяжении двух с половиной столетий, Богородицкий дворец-музей и парк получил неиссякаемый клад идей, которые трансформирует в мероприятия просветительского характера.

Педагогические опыты А.Т. Болотова, традиции усадьбы графов Бобринских – основа просветительской деятельности Богородицкого дворца-музея и парка

Примечания

- ¹ Арсений Владимирович Гулыга (1921-1996) – историк философии, литературовед, специалист по истории русской и немецкой философии, эстетике, автор философских биографий.
- ² Вера Сергеевна Бобринская (1925-2003) – поэтесса, супруга Н.Н. Бобринского, геолога и писателя.
- ³ Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. Т. 2. – М.: Институт русской цивилизации, 2013. С. 970.
- ⁴ Глаголев А.Г., Записки русского путешественника с 1823 по 1837 год. – СПб: Типография Императорской Российской Академии, 1837. С. 55.
- ⁵ Дунаев М.М. Православие и русская литература: учебное пособие для студентов духовных академий и семинарий. Ч. 1.- М.: Христианская литература, 1996. С. 49.
- ⁶ В России эпоха Просвещения занимает преимущественно вторую половину XVIII века, т. е. преимущественно время правления Екатерины Великой (1762–1796).
- ⁷ Жизнь и приключения Андрея Болотова... Т. 3., С. 45.
- ⁸ Николай Иванович Новиков (1744–1818) – журналист, издатель, в т.ч. трудов А.Т. Болотова, критик и общественный деятель.
- ⁹ Мемуары А.Т. Болотова в полном объеме были впервые опубликованы в 1871–1873 гг.
- ¹⁰ Жизнь и приключения Андрея Болотова...Т. 2., С. 587.
- ¹¹ Здание волостного училища построено в 1784–1785 гг. по проекту тульского архитектора К. Сокольников по приказанию тульского наместника М.Н. Кречетникова. Здание сохранилось, является памятником архитектуры XVIII века.
- ¹² Жизнь и приключения Андрея Болотова... Т. 3., С. 256.
- ¹³ Жизнь и приключения Андрея Болотова... Т. 1., С. 72.
- ¹⁴ Маслов Яков Андреевич (1698–1785) – генерал-аншеф, действительный тайный советником. Служил в Дворцовой канцелярии. Позднее принял монашеский постриг с именем Иоасаф.
- ¹⁵ Жизнь и приключения Андрея Болотова... Т. 1., С. 807.
- ¹⁶ Даниэль Вейман (1732–1795) – магистр философии Кенигсбергского университета считал А.Т. Болотова своим лучшим учеником.
- ¹⁷ Болотов А.Т. Путеводитель к истинному человеческому счастью // Детская философия...С. 248.

Педагогические опыты А.Т. Болотова, традиции усадьбы графов Бобринских – основа просветительской деятельности Богородицкого дворца-музея и парка

¹⁸ Там же. С. 356.

¹⁹ Помология – наука о породах, видах и сортах плодовых культур.

²⁰ Детский театр А.Т. Болотова существовал с 1779 по 1782 годы. Было поставлено 12 пьес и сыграно 44 постановки.

²¹ «Нешастные сироты» (1780) и «Награжденная добродетель» (1781).

²² Болотов А.Т. Детская философия... С. 208-209.

²³ Carnet de bal – книжечка для записи очередности танцев.

²⁴ Шатлен – изделие в виде цепочки с зажимом, к которой крепятся различные предметы (ключи, кошелек, ножницы).

²⁵ Фоб – противовес, который носили на мужских карманных часах.

²⁶ Жерздева М.В. Жемчужины Богородицка // А.Г. Бобринский. – Тула: Гриф и К, 2011. – С. 77.

²⁷ Жерздева М.В. Знаменитые Тульские усадьбы // Богородицк. – М.: Высшая школа. – С. 50.

²⁸ Там же. С. 59.

Главный редактор

Богачева Ю.С.

Редакционная коллегия

Каштанова Е.Е.

Булыгин П.Л.

Оформление

Шоптенко С.Н.

На обложке:

Поленовы с гостями у Большого дома. 1910-е.

Архив семьи Поленовых

© Государственный мемориальный историко-художественный и природный музей-заповедник Василия Дмитриевича Поленова, 2024

www.polenovo.ru